

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

8 июля 2015 г.

№135

Оглавление

Колонка главного редактора	4
О коммунизме и марксизме — 18	5
Метафизическая война	25
Судьба гуманизма в XXI столетии (№135)	26

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	2
Экономическая война	60
Шантажная провокация — об аресте российских активов по иску ЮКО- Са. Часть III	61
Информационно- психологическая война	113
Поппер и другие — 6	114
Классическая война	135
Неклассическая классическая война	136

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	3
Социальная война	153
ГЧП или... прощай, доступная и бесплатная медицина?	154
Война с историей	171
От древних укров к сергиевопосадской демократии	172

Колонка главного редактора

О коммунизме и марксизме — 18

Как сочетать такую сложнейшую и оригинальнейшую мысль самого Маркса с глубокой незаинтересованностью советских псевдомарксистов в том, что касается истории религиозных идей — то есть идей, которые как раз доказали свою способность менять мир?

Ян Косье. Прометей, похищающий огонь
(1637)

Советские псевдомарксистские учебники, по сути, не рассматривали никаких соотношений между типом социальной жизни и религиозностью. В лучшем случае говорилось, что религия — это опиум для народа, это предрассудки, с помощью которых господствующий класс уводит массы от подлинной борьбы за своё освобождение. Ну, опиум. . . Ну, предрассудки. . . Но почему на одном этапе исторического развития используются (или формируются) одни предрассудки, а на другом этапе исторического развития — другие?

Почему вдруг возникают новые религии? Почему эти новые религии определённым образом заимствуют те или иные элементы, причём зачастую не из предшествующих, а из предпредшествующих религий?

Авторы советских псевдомарксистских хрестоматий даже не пытались обсудить что-

то подобное. И уж тем более они не пытались придать такому обсуждению мало-мальски сложный характер. Между тем, только в случае наличия чего-то сложного и не лишённого определённой загадочности можно обсуждать, каким именно образом и почему трансформируются те или иные религиозные представления. Ведь они трансформируются, не правда ли?

И, трансформируясь, они оказывают очень серьёзное, порою необратимое воздействие на общество. И пусть даже вы считаете, что это воздействие порождено неразвитостью общества, его необразованностью, невозможностью дать научные, то есть единственно верные ответы на ключевые вопросы.

Если вы занимаетесь историей, то всё, что оказывает серьёзное и тем более необратимое

воздействие на общество, должно вас интересовать. Вы не можете пренебрегать представлениями, оказывающими такое воздействие на общество, даже если вы эти представления считаете предрассудками. Ведь вы же стоите на позициях марксизма-ленинизма! А значит — разделяете фундаментальное марксистско-ленинское представление, согласно которому идея, овладевающая массами, становится материальной силой. Кстати, об этом представлении.

В своей статье «К критике гегелевской философии права», написанной в 1844 году, 26-летний Карл Маркс заявляет: *«Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овла-*

девает массами. Теория способна овладеть массами, когда она доказывает ad hominem, а доказывает она ad hominem, когда становится радикальной. Быть радикальным — значит понять вещь в её корне».

Согласитесь, нельзя одновременно оперировать такими высказываниями в их полноте и сведениями из советских псевдомарксистских хрестоматий. Как только возникает полноценный текст Маркса, он самим своим существованием убивает советские псевдомарксистские хрестоматии.

Говоря об аргументе ad hominem (или доказательстве ad hominem), Маркс имеет в виду аргумент, основанный на личности оппонента, а не на сути дискуссии, объективных фактах и логических рассуждениях. Аргументация ad hominem носит особый, далеко

не безусловный характер. Ей противопоставляется аргументация по существу (*ad rem*) или аргументация по объективной истине (*ad veritatem*).

Но правомочна ли вообще аргументации *ad hominem*?

Она существует в трёх вариантах.

Первый, *ad personam* — это прямая личностная критика оппонента.

Второй, *ad hominem circumstantiae* — это объяснение точки зрения оппонента его личными обстоятельствами.

Третий, *ad hominem to quoque*, есть обвинение оппонента в том, что он действует вопреки своей собственной аргументации.

В принципе, аргументация *ad hominem* всегда считалась и продолжает считаться чересчур субъективной. То ли дело *ad rem* и *ad veritatem*! Хотел бы Маркс завоевать репута-

цию настоящего учёного — он никогда бы не стал говорить об аргументации *ad hominem*. Но он говорит именно о ней. Потому что ему надо, как мы знаем, не объяснять, а исправлять мир. И в этом смысле он учёным быть не желает. Ибо для него учёный — это тот, кто хочет только объяснять.

Но если бы Маркс хотел только исправлять мир, то он никогда бы не поставил в один ряд оружие критики и критику оружием. Потому что крайний случай аргумента *ad hominem* — это именно критика оружием. Что такое критика оружием? Это когда твой оппонент направляет на тебя автомат и говорит: «У меня он есть, у тебя — нет, а значит — я прав». Так очень часто ведут себя американцы, направляя на тех, кто им не нравится, силу своего оружия (как ядерного, так и иного), и заявляя о том, что раз оно у них есть,

то они и правы.

Но Маркс не хочет кидаться из крайности в крайность и прославлять только грубую силу, то есть критику оружием. Он понимает, что бессилие, то есть отсутствие оружия, обрекает любую социальную критику, направленную на изменение мироустройства, на абсолютную бесплодность. Он говорит о том, что *«материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой»*.

Но одновременно — как бы противореча и себе, и материалистическому подходу в целом, он говорит о том, что материальной же силой становится теория, овладевшая массами. А значит, такую теорию (ясно, что он имеет в виду прежде всего свою теорию, но и не только) можно противопоставить материальной силе, на основе которой формируется определённое мироустройство. И тогда миро-

устройство изменится.

Очень смелая мысль! Абсолютно противоречащая всему, что говорится в псевдомарксистских советских хрестоматиях.

Маркс вдобавок подчёркивает, что материальной силой становится не всякая теория, а теория, оснащённая аргументами *ad hominem*. Согласитесь, ещё более сильное утверждение!

И, наконец, Маркс настаивает на том, что есть тождество между теорией, оснащённой аргументацией *ad hominem*, и радикальной теорией. Что радикальной теория становится тогда, когда она оснащена аргументацией *ad hominem*.

С другой стороны, он здесь же говорит о том, что радикальной теория становится только тогда, когда она приводит к пониманию сути вещей. И что сутью этой (он говорит

«корнем», но это то же самое) для человека является сам человек.

Говоря всё это, Маркс фактически противопоставляет теорию, овладевшую сознанием социально пассивных людей, теории, овладевшей сознанием людей, обладающих высокой и высочайшей социальной активностью. Именно способность теории стать убеждениями для очень и очень активных в социальном плане людей (лишь именуемых массами) является для Маркса показателем радикальности теории, а значит, и её «исторической бесплодности». А бесплодные в историческом плане теории Маркса не интересуют вообще.

Ну, и как сочетать такую сложнейшую и оригинальнейшую мысль самого Маркса с глубокой незаинтересованностью советских псевдомарксистов, создателей разного рода

научных опусов и хрестоматий, в том, что касается истории религиозных идей — то есть идей, которые как раз доказали свою способность менять мир?

Вы считаете эти идеи предрассудками? Вы имеете на это право. А ваши оппоненты имеют право считать их чем-то совсем другим. Но если вы — марксисты, то способность этих идей менять мир, то есть становиться материальной силой, для вас должна иметь решающее значение. Вы не имеете права не изучать материальные силы, как бы они ни были устроены. И даже если они устроены как предрассудки, это для вас не должно играть никакой роли, коль скоро ваша основная цель — менять мир.

Так почему же тогда в тот позднесоветский период, на который сориентированы нынешние псевдомарксисты, впаривающие мо-

лодѣжи советские псевдомарксистские хрестоматии, никто не изучал динамику так называемых религиозных предрассудков? Степень их зависимости от мироустройства? Степень их влияния на мироустройство? Между тем, Лафарг изучает именно это. Причѣм его выводы являются далеко не элементарными. А это значит, что исследовательский метод Лафарга не противоречит тому предмету, на который этот метод направлен. Если бы он противоречил, то выводы были бы элементарными и можно бы было просто развести руками. И не стал бы Лосев фактически восхищаться Лафаргом.

Лафарговский метод, применѣнный данным исследователем (высокообразованным и ортодоксально-марксистским одновременно), даёт следующие далеко не безусловные, но очень интересные результаты.

Результат № 1 — общественное устройство очень сильно влияет на тип религиозности.

Результат № 2 — слагаемыми общественного устройства, решающим образом влияющими на тип религиозности, являются отношения собственности и степень дробления общества.

Результат № 3 — частная собственность и раздробленность общества возникали в наидревнейшие времена.

Результат № 4 — возникая в наидревнейшие времена, частная собственность и раздробленность порождали некие буржуазные отношения. В сущности, буржуазными отношениями и нужно называть отношения, пропитанные частнособственническим началом и социальной раздробленностью.

Результат № 5 — возникая в наидревнейшие времена, частная собственность и раз-

дробленность порождали отказ от начальной коммунистичности (основанной на отсутствии частной собственности, справедливом распределении полученного продукта и пр.).

Результат № 6 — начальная коммунистичность наипрочнейшим образом связана с матриархатом, который только и способен обеспечить абсолютное равенство во всём, что касается распределения жизненно необходимых продуктов.

Результат № 7 — уход от начальной коммунистичности означал уход от матриархата.

Результат № 8 — первичный патриархат, возникший на месте начальной коммунистичности, не был ещё полностью буржуазным, то есть индивидуалистично-частнособственническим (Лафарг фактически ставит знак равенства между буржуазностью и такой индивидуалистичной, частно-

собственнической стихией). В первичном патриархате ещё сохранялось коллективистское начало. Но это начало приобретало некую глубокую травматичность. Лафарг нигде не говорит, что такая травмированная коммунистичность, присущая патриархату, ещё сохраняющему определённую коллективность, становится, по сути своей, фашистской — во времена Лафарга фашистская проблематика не являлась политически актуальной. Но Лафарг фактически настаивает на том, что неиспорченный, нетравмированный коммунизм — это подлинно коллективистский архаичный матриархат. А испорченный, травмированный коммунизм (то есть фашизм) — это квазиархаичный патриархат.

Результат № 9 — при квазиархаичном патриархате (он же — испорченный, травмированный коммунизм, он же —

фашизм) зарождающееся и одновременно сдерживаемое индивидуалистическо-частнособственническое начало (то есть начало буржуазное) требует от создателей квазиархаичного патриархата, пытающихся не допустить краха человеческого общежития как такового, очень свирепых религиозных трансформаций. Суть этих трансформаций в том, что во имя сохранения того, что мы бы назвали скрепами, создатели квазиархаичного патриархата должны лишить большую часть людей, входящих в ещё сохранённую общину, не только собственности, но и (внимание!) права на загробную жизнь.

Вот чем чреват, по Лафаргу, начальный этап ухода от полностью коммунистического и полностью общинного матриархата, при котором все люди имеют право на загробную жизнь наряду с другими равными челове-

скими правами. Этот начальный этап ухода от такого устройства общества, он же — квазиархаичный патриархат, он же — испорченный коммунизм, он же — фашизм, должен породить лишение всех, кроме патриарха, права на загробную жизнь.

Ещё вчера, при матриархате, все люди имели это право. Глядь — а его теперь имеет только патриарх! О! Какую же ярость должна была вызывать потеря этого, столь фундаментального права! Да назовите вы его сто раз предрассудками, оно же от этого не становится менее важным для людей, живущих в определённую историческую эпоху и способных выдержать тяготы этой эпохи только при наличии права на загробную жизнь.

Результат № 10 — потеря права на загробную жизнь для большинства членов общины для Лафарга олицетворена в олимпий-

ской тирании бога Зевса. Борьба за восстановление этого права, по мнению Лафарга, осуществляется Прометеем.

Результат № 11 — очень важную роль в обладании данным правом Лафарг придаёт таинству общинного очага. Лафарг подробно описывает, как именно хранится огонь общинного очага. Что происходит, если община теряет этот огонь. Откуда она его в этом случае берёт. К чему приводит невозможность добыть этот огонь. Казалось бы, отыщи его в природной среде (молнии, пожары и пр.) или извлеки (Лафарг настаивает на том, что к эпохе рождения мифа о Прометее люди уже умели это делать и даже занимались кузнечным делом). Так ведь нет — нужен именно определённый огонь, тот, который ты взял из главного очага. И только взятие огня из главного очага даёт тебе право на собственный

очаг. А значит, и на загробную жизнь. Поэтому похищение Прометеем огня с небес — это не просто обучение людей способности добыть элементарный материальный огонь. Это гораздо более сложная священная процедура.

(Продолжение следует)

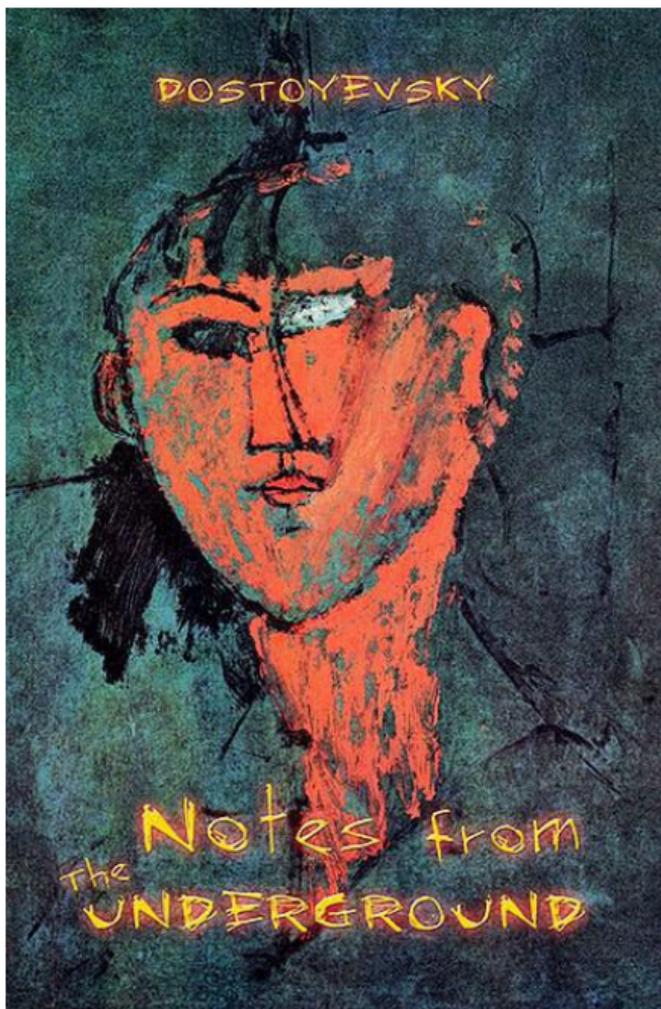
Сергей Кургинян

Метафизическая война

Судьба гуманизма в XXI столетии (№135)

Если натура настроена совсем уж яростно, то она обязательно захочет очень яростно чистить сердце, осуществлять эту самую «стирку» нафса с помощью грандиозных перепадов. Потом она убедится, что нафс не очищается полностью, и

впадёт в полное отчаяние. И тут ей скажут, что дело не в том, чтобы очистить нафс, а в том, чтобы от него избавиться. Что он-то и мешает соединению с абсолютной божественностью

Обложка одного из зарубежных изданий повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья»

О суфизме написаны многочисленные исследования, авторы которых являются выдающимися знатоками предмета, посвятившими всю жизнь его изучению. Помимо трактатов, написанных выдающимися религиоведами, есть ещё и трактаты, в которых сами суфии повествуют о своём учении. Даже короткое перечисление религиозных и религиозно-ведческих трактатов увело бы нас в сторону. А уж их обсуждение — тем более.

Подчеркну ещё раз, что я в своём исследовании не занимаюсь ни исламом в целом, ни суфизмом: я оказался на этой духовной территории временно и только для того, чтобы, воспользовавшись некоторыми её особенностями, приглядеться к процессам, происходящим на совсем других духовных территориях. Тех самых, которые в совокупности именуются Западом.

Суфизм я обсуждаю только для того, чтобы с его духовной территории рассматривать совсем другую и единственно важную для моего исследования духовную территорию, а точнее — совокупность оных. Совсем ничего о нём не говорить я поэтому не могу. Оговорю ещё раз:

- что сообщаемая мною информация не претендует даже на полноценное ознакомление с предметом;
- что она всего лишь выявляет те черты предмета, которые мне нужно выявить для решения своих исследовательских задач;
- что, тем самым, эта информация является сугубо и исключительно вспомогательной;

- что, будучи вспомогательной, она не является ни тенденциозно заточенной на дискредитацию, ни ориентированной на разного рода художественные фантазии;
- что я ссылаюсь только на достоверные источники;
- что я преисполнен глубокого уважения к этим источникам.

Сделав все эти оговорки, я начинаю двигаться в нужном для меня направлении, отчётливо понимая, что ни в каком другом направлении двигаться нельзя, если хочешь дойти до цели. То есть далеко не факт, что, двигаясь в этом направлении, ты до неё дойдёшь. Но любое другое направление уж точно не приведёт в искомую точку. А тут — кто знает.

Исследователи суфизма выделяют три периода в его развитии.

Первый период именуется периодом «зухда».

Сам по себе зухд не является суфийским изобретением. Это основополагающее понятие ислама. В этом смысле зухд — это аскетизм, отказ от земных удовольствий. «Захада» в исламе означает «воздерживаться», «отказываться». При зарождении ислама говорили не о зухде, а о ниске. «Ниск» — это благочестие, подвижничество. Наряду с понятием «ниск» большую роль играло понятие «кана'а» (умеренность и контроль над желаниями), а также «вара'» («крайняя осмотрительность в различении дозволенного и запрещённого религиозным законом»).

В VIII в. эти достаточно скромные религиозно-этические понятия заменило по-

нятие «зухд». Иными словами, аскетизм стал переходить в наступление, затрагивая все направления ислама. И всё же одно дело — зухд как исламская религиозная аскеза, а другое дело — зухд как технический термин суфизма, означающий необходимый этап мистического пути.

На каждом из этапов этого пути происходит соответствующее очищение нафса. То есть души. Об этих этапах мы поговорим чуть ниже. Здесь хотелось бы лишь подчеркнуть, что на первом этапе (этапе зухд) аскет, занимающийся мистическим очищением души, и верующий, демонстрирующий высокие этапы исламского благочестия («зуххад»), — это ещё почти одно и то же.

Каким именно образом переплетались далее формировавшаяся суфийская традиция не абы какого, а именно мистического очи-

щения души, и мистические традиции христианского монашества, манихейства, индийской традиции йогической аскезы, определить невозможно. Все, кто изучает этот вопрос, убеждены в том, что такое переплетение имеет место. Но полностью восстановить историю взаимных влияний и воздействий никто не может. Ясно только, что речь идёт о некоей традиции мистической аскезы, по-разному реализуемой в разных религиях. Но в каком-то смысле обладающей чуть ли не универсальным — и уж, безусловно, трансрелигиозным — значением.

Восстановить историю взаимовлияния в вопросе о мистической аскетической практике было бы крайне важно. И когда-нибудь, наверное, эту историю кто-то восстановит. Но пока есть то, что есть. А значит, мы можем говорить только на языке догадок, постоянно

употребляя «что, если» перед каждым вводимым нами предположением.

Что, если практика мистических аскез, очищающих душу (нафс), действительно основана на далекоидущих взаимных влияниях, включающих и влияние на монотеистические религии весьма далёких от этих религий оргиастических практик?

Ведь недаром мистические аскетические очищения, одной из разновидностей которых является зухд, вызывали очень настороженное отношение у выдающихся религиозных авторитетов. Как исламских (если речь идёт именно о зухд), так и других (если речь идёт о практиках, сходных с зухд).

Одно дело — подавление страстей путём воздержания от мирских благ, ограничения сна и пищи, добродетельная бедность, дистанцирование от разного рода властных со-

блазнов. И совсем другое дело — разного рода крайности, включающие физические самоистязания и многое другое. Ведь мир-то для религиозного человека является творением Бога. И до какого момента отрицание природности человеческой, мира, пронизанного этой природностью, совместимо с преклонением перед Богом, сотворившим мир? Ведь если Бог его сотворил, то в мире есть благодать Божья... А значит, она и в мирском есть. То бишь в природном. И если ты так свирепо это истребляешь, то с какого момента ты начнёшь истреблять Божье? И что именно ты будешь истреблять? Только ли тело — или нечто большее?

Тантрический буддизм (ваджраяна) — это самая тонкая и загадочная буддистская практика. И я вовсе не хочу её демонизировать. Я только хочу сказать, что внутри неё гнездо

душененавистничества оказалось более очевидным и капитальным, нежели такое же гнездо, которое, наверное, тоже свито в хинаяне или махаяне (а также во всех других религиях). Но в ваджраяне оно опознаётся быстрее и с большей очевидностью. А ведь тантрический буддизм не мог существовать сам по себе, полностью отсекая всё, что его связывает с тантрической йогой. Которую я опять-таки не хочу демонизировать, но в которой ещё более, чем в тантрическом буддизме, стёрта грань между «большой стиркой» самого нафс — и его полным истреблением. Надеюсь, читатель простит меня за то, что я так легко использую исламскую терминологию, переходя на другую религиозную территорию. Но я делаю это для того, чтобы сохранить целостность осуществляемого мною исследования.

А сама тантрическая йога (подчёркиваю, не йога вообще, а йога тантрическая) вряд ли может быть рассматриваема совсем уж в отрыве от раннего индийского дравидизма. Я понимаю, что этот дравидизм и йога, пусть и тантрическая, — далеко не одно и то же. Я всего лишь указываю на разного рода крайние модификации, они же — гнёзда душене-навистничества, свитые в очень разных религиозных домах и имеющие очень древнюю предысторию. Я даже бонпо, часть из которой вошла в буддизм, а часть — отказалась, не хочу демонизировать. Я вообще ничего не хочу демонизировать, я слежу за тонкими переходами, в рамках которых ненависть к истязаемому телу, препятствующему мистической связи с Богом, переходит в нечто большее — в ненависть к душе. Конечно же, это происходит очень редко. Но ведь происходит.

Так я об этом очень редко и говорю. Причём, заметьте, с предельной осторожностью и тактичностью.

В суфизме практика зухд доходила до крайних проявлений. Включающих отказ от всего преходящего и очищение сердца от всего, что может отвлечь это самое сердце, пусть и очищаемое самым безжалостным образом, от единственного, что оно должно воспринимать, — от импульсов некоей абсолютной божественности.

А что, если — ничего не утверждаю, понимаете? — в какой-то крайности само сердце становится препятствием на пути восприятия этой абсолютной божественности? Обратим внимание на то, как сложно построены рассуждения на эту тему некоего подпольного человека, героя «Записок из подполья» Достоевского!

В одном месте он говорит: «Да и вообще терпеть я не мог говорить: «Простите, папаша, вперёд не буду», — не потому, что я не способен был это сказать, а напротив, может быть, именно потому, что уж слишком способен на это бывал, да ещё как? Как нарочно и влопаюсь, бывало, в таком случае, когда сам ни сном, ни духом не виноват. Это уже было всего гаже». То есть герой специально создаёт ситуации, в которых он может быть обвинён в чём-то, будучи невиновным. Или же он подключается к таким ситуациям. Создав же ситуацию по принципу «без вины виноватый» (или подключившись к ней), герой начинает не оправдываться, а каяться. Говорить «простите, папаша, вперёд не буду».

Что же он дальше, буквально в следующей фразе, говорит об этом своём состоянии?

А вот что: *«При этом я опять-таки душою умилялся, раскаивался, слёзы проливал, и, конечно, самого себя надувал, хоть и вовсе не притворялся».*

Так ёмко охарактеризовав своё состояние, герой далее говорит: *«Сердце уж тут как-то гадило...»*

Мне скажут, что, во-первых, это говорит антигерой, он же — негодяй.

Что, во-вторых, это всё уже никакой не традиционализм, никакие не мистические практики, а петербургская атеистическая клоака, порождающая таких вот антигероев.

Ну, не знаю. Такая точка зрения тоже правомочна. Но Достоевский — не Куприн, не Мережковский. Это великий духовидец, постоянно занятый изучением глубоких мистических практик.

В другом месте подпольный антигерой говорит: *«Мечты особенно слаще и сильнее приходили ко мне после развратика, приходили с раскаянием и слезами, с проклятиями и восторгами. Бывали мгновения такого положительного упоения, такого счастья, что даже малейшей насмешки внутри меня не ощущалось, ей-богу».*

То есть, с одной стороны, герой говорит, что он (перевожу это всё с теми же оговорками на язык алхимии и суфизма) так отстирал свой «нафс», что в нём уже даже насмешка не шевелится, что он уже даже не гадит, то бишь является предуготовленным к принятию импульсов абсолютной божественной реальности.

Но, с другой стороны, герой говорит о том, что это всё приходит к нему после «развратика», то есть греха.

И что же? Найдутся такие исследователи, которые скажут, что в определённых разновидностях тантрического буддизма или в других мистических экстатических практиках, доводимых до предела, нет места ни провоцированию греха, включая богохульство, ни странным оргиастическим практикам? Очень хотелось бы жить в таком мире духовности, в котором всему этому места нет вообще. Но это же не так! — нет такого мира духовности, в определённых уголках которого это бы ни свило гнёзд.

Я не говорю, что все миры духовности необратимо этим загажены, то бишь «обогащены». По большей части каждый из таких миров этим не загажен. И абсолютно чист. Но нет духовных миров, в которых хотя бы малая часть не была этим загажена.

Сказав о своём постразвратном положи-

тельном упоении, о своём постразвратном счастье, в коем уже и малейшей насмешки не ощущается, об использовании разврата и других форм предельной греховности для обжигающего раскаяния, очищающего сердце до такой степени, что оно перестаёт «гадить», герой Достоевского признаёт, что в эти моменты он обретает веру, надежду и любовь. И тут же говорит: *«То-то и есть, что я слепо верил тогда, что каким-то чудом, каким-нибудь внешним обстоятельством всё это вдруг раздвинется, расширится; вдруг представится горизонт соответственной деятельности... и вот я выступлю вдруг на свет божий, чуть ли не на белом коне и не в лавровом венке. Второстепенной роли я и понять не мог и вот именно потому-то в действительности очень спокойно занимал по-*

следнюю. Либо герой, либо грязь, середины не было. Это-то меня и сгубило, потому что в грязи я утешал себя тем, что в другое время бываю герой, а героём прикрывал собой грязь: обыкновенному, дескать, человеку стыдно грязниться, а герой слишком высок, чтоб совсем загрязниться, следовательно, можно грязниться».

Ведь не один герой «Записок из подполья» так рассуждает, правда? Ставрогин, например, так же рассуждает. По сути, так рассуждают все герои Достоевского. И не только Достоевского. А коренятся эти рассуждения в разного рода мистических практиках, согласно которым добродетель, даже самая наисвятейшая, с абсолютностью божественной не соединит. Ибо нафс, то бишь душу, полностью не очистит. А страшный грех и страшное

раскаянье, может быть, и очистят. Тебе скажет какой-нибудь монах, относящийся к школам медленного буддийского очищения, что для полного очищения от кармы тебе нужно миллион раз перевоплотиться... И предложит сдерживать страсти, дабы на миллионный раз ты и впрямь очистился. В натурах нетерпеливых это вызывает предельное возмущение.

И вот в момент такого возмущения к тебе пожалует монах другой буддийской школы — школы быстрого очищения. Он скажет, что надо быстренько пройти через такие-то и такие-то страшные вещи. И тогда очистишься полностью. И добродетели никакой не надо... И очищение произойдёт не в миллионном перевоплощении, а в миг единый... Ну и что же выберет впечатлительная, нетерпеливая натура? Ответ очевиден.

А если к этой натуре пожалует не настоящий серьёзный монах школы быстрого очищения, а некто совсем другой, но очень на этого монаха похожий? Не обязательно даже Мефистофель, а какой-нибудь убеждённый душененавистник? Ведь впечатлительная нетерпеливая натура — в силу этих своих качеств — даже не разберёт, кто к ней пожаловал. Кроме того, если эта натура настроена совсем уж яростно, то она обязательно захочет очень яростно чистить сердце, осуществлять эту самую «стирку» нафса с помощью грандиозных перепадов. Потом она убедится, что нафс не очищается полностью, и впадёт в полное отчаяние. И тут ей скажут, что дело не в том, чтобы очистить нафс, а в том, чтобы от него избавиться. Что он-то и мешает соединению с абсолютной божественностью. Натура впечатлительная, нетерпеливая и ярост-

ная обязательно этим займётся. Она начнёт вырывать из себя сердце, то бишь нафс. И рано или поздно познакомится с теми, кто даст необходимые инструкции, согласно которым делать это надо так-то и так-то.

Повторяю в который раз, я не говорю, что эти инструкции разработает настоящий суфизм или даже настоящий буддистский тантризм. Но кто-то их разработает. Причём не на уровне новодела. Давняя это история, давняя и страшная... Уходящая в немыслимые исторические глубины.

Но вернёмся к суфизму. Период зухда начался с зарождением ислама. Он включает, кроме пророчеств Мухаммеда и деятельности его первых сподвижников, занимавшихся зухдом, ещё и деятельность следующих поколений. То есть к периоду зухда относится то, что связано с самим Мухаммедом, саха-

бами (то есть сподвижниками Пророка, которые виделись с ним и уверовали в него до конца своей жизни), табиинами (то есть теми, кто видел сахабов) и таби ат-табиинами (то есть третьим поколением мусульман, следующим за сахабами и табиинами).

Ранняя история исламского аскетизма повествует об особой мусульманской аскетической группе — Асхаб ас-Суффа. По разным оценкам, в эту группу входило от 70 до 300 человек. Именно эта группа, если верить специалистам, впервые поставила во главу угла духовно-аскетическую практику. Предполагается, что сам термин «тасаввуф» (то есть духовное учение и практика суфиев) восходит к этому названию «Асхаб Ас-Суффа».

Членами Асхаб ас-Суффа были мухаджир-ы (мусульмане, во времена Пророка Мухаммеда переселившиеся из Мекки в Медину в

622 г.) и ансары (коренные жители Медины из племён Аус и Хазрадж, которые приняли ислам и стали сподвижниками Пророка). Причём в группу Асхаб Ас-Суффа входили именно беднейшие мухаджиры и ансары. Эти беднейшие (и наивернейшие) мухаджиры и ансары собирались в мединской мечети, истово молились, столь же истово постились, внимали каждому слову Пророка, учились у него духовной практике. Сам Пророк очень высоко ценил эту общность. И опирался на неё в своих проповедях ислама.

После Пророка практика Асхаб ас-Суффа была продолжена и развита. К VIII веку возник сам термин «тасаввуф», и начала оформляться суфийская терминология. Возникли авторитеты, которых можно уже в полном смысле слова считать суфийскими (Хашим ас-Суфи, Давуд ат-Таи, Рабиат аль-Адавия и

другие). В этот же период дооформились первые полноценные школы аскетизма — мединская, басрийская, куфийская и хорасанская.

Второй период начинается после этого дооформления. В IX–X вв. происходит стремительное развитие теоретической базы понятий и терминологии суфизма. Пишутся первые теоретические труды в этой области.

Возникают мутасаввифы (теоретики суфизма). Исследуются проблемы ступеней совершенства и очищения. Внутри суфизма возникают воззрения, которые многие исследователи считают чуть ли не пантеистическими. В этот период усилиями таких мутасаввифов, как Халладж (исламский богослов и мистик из южного Ирана, 858–922 гг. н.э.) и Бистами (персидский суфий, живший в 804–874 годы, дед которого был зороастрийцем из Персии), вводятся крайне интересу-

ющие нас понятия «фана» (воссоединение и обретение истинной сущности через духовное растворение в Боге) и «бака» (пребывание в Боге после растворения своего «я» в нём). Развивается идея беспредельной любви к Богу (ашк), формируются отдельные суфийские школы — нишапурская, египетская, сирийская и багдадская.

Нишапурская школа была представлена Бистами, который, повторяю, ввёл представление о «фана». А также о сопровождающем её восторге (калаба) и опьянении любовью к Богу (сукр).

Другой представитель этой же нишапурской школы, Йахйа ибн Муаз ар-Рази, развил идеи Бистами, введя в суфизм выражение «опьянённый любовью к Богу».

Характерно, что все эти идеи вызывали в ортодоксальном исламском богословии

достаточно глубокое неприятие. Мусульманские ортодоксы, например, обвиняли Вистами в приверженности идее боговоплощения (хулул).

Совершенно очевидно, что концепция «хулул» (от глагола «хала», «поселяться», «вселяться»), а также концепция «иттихад» (соединение с Богом), в целом ряде трактовок означала воплощение божества в человеке. Что это — тоже трансрелигиозная концепция, другие модификации которой вполне можно обнаружить в мистическом христианстве. Что именно эта концепция послужила причиной преследований её сторонников ортодоксальным исламом. Например, последователи суфия Халладжа (ал-халладжийя) почитали его как воплощённого бога.

Докуда доходила эта концепция в её крайних вариантах — вопрос непростой. И здесь

невозможно заняться поисками подробного ответа на этот весьма существенный и очень потаённый вопрос.

В XII–XIII вв. начинается третий период — оформление тарикатов. То есть различных суфийских общин. Умеренные суфийские общины сближаются с ортодоксальным исламом. А менее гибкие тарикаты всё дальше от него отделяются. Усиливается борьба ортодоксального ислама с наиболее категоричными суфийскими общинами.

К XV веку начинается четвёртый этап — этап роста авторитета суфийских тарикатов, порождённого непростыми процессами в исламском мире, атакуемом самыми разными силами.

Начиная с XVII века можно говорить о пятом этапе — упадка суфизма.

Впрочем, все эти этапы достаточно услов-

ны. И не всё, происходившее в суфизме, может быть уложено в прокрустово ложе этой классификации.

Для нас она важна и сама по себе (чтобы обсуждать сложные проблемы, связанные с суфизмом, надо хоть что-то знать о суфизме как таковом), и в связи с понятием «фана», которое имеет для нас ключевое значение.

Поскольку обсуждать «фана» можно, только поняв, что такое в целом мистическое суфийское восхождение, надо от этапов развития исторического суфизма перейти к обсуждению той лестницы восхождения, в рамках которой суфий доходит до состояния «фана» и переходит в состояние ещё большей соединённости с Богом. Существует ли в этих состояниях «нафс»? Как именно его отстирывают, доочищают?

Ответ на этот вопрос требует обсуждения

самых состояний/ступеней.

Первая из ступеней — нафс-аммара. Или «повелевающий нафс». Это логово зла, источник аморальности и так далее. Его мы уже обсудили.

Вторая ступень — нафси-лаввама, или «осуждающий нафс». Его мы тоже обсудили. Тут уже есть возможность осуждения поступков с использованием такого инструмента, как совесть. Но возврат к грехам продолжается.

Третья ступень — нафси-мулхама (нафс, «добившийся вдохновения и открытия»), предполагает некое просветление и существенное, но ещё не полное сближение с Аллахом. Своя воля ещё сохраняется.

Четвертая ступень — нафси-мутмаинна («нафс, достигший уюта, умиротворения»). Это нафс, уже постигший некие серьёзные

тайны. Считается, что именно к нему адресованы последние аяты суры Фаджр («Заря»), которые мы уже цитировали, и в которых говорится о душе, обретшей покой, возвращающейся к Господу, в его Рай.

Пятая ступень — нафси-разиййа («довольный нафс»). Достигший этого состояния уже не имеет своей воли. Он ни на что не жалуется! Считается (внимание!), что именно на этой ступени суфий достигает той степени фана, которая нас интересует. И что это достижение предполагает некое взаимодействие с пустотой (ставку на ничто, как говорила по поводу Гёте Шарлотта Шиллер).

Шестая ступень — нафси-марзиййа («нафс, которым довольны другие»). Впрочем, другие тут, на самом деле, не так и важны. Важно, что таким нафсом доволен Аллах. И что будучи им доволен, он наделяет

нафс теми или иными божественными атрибутами. А также какими-то божественными возможностями.

В исламе существуют послания, называемые хадиси-гудси, которые существенно отличаются от обычных хадисов. Например, откровение Корана было передано Пророку посредством ангела Джабраила, но хадиси-гудси могли быть переданы Пророку во сне или при других условиях. И так далее.

О том, чем были хадиси-гудси в глубокой древности, можно только догадываться. По крайней мере, у меня по этому поводу сведений нет. Но в XVII веке, то есть в эпоху, ещё исключавшую новодел, известный учёный Хурра Амули издал книгу «аль-Джавахирус-сания филь-ахадисиль-гудсия», в которой собрано 656 хадисов-гудси.

Так вот, в одном из хадисов-гудси по по-

воду шестой ступени суфийского восхождения говорится: «Я стану его слухом, действием и речью». Согласитесь, это высокая степень притязаний. Тут речь идёт уже не об отдельных божественных атрибутах и возможностях, а о чём-то большем, хотя тоже не окончательном.

Седьмая ступень — нафси-камила («усовершенствованный нафс»). В тасаввуфе так называется нафс, вобравший в себя все совершенные качества, достигший вершины совершенства.

Обсудив эти ступени, можно начать обсуждать всё то, что без знания об этих ступенях обсуждать вообще невозможно.

(Продолжение следует)

Сергей Кургинян

Экономическая война

Шантажная провокация — об аресте российских активов по иску ЮКОСа. Часть III

Ходорковский — при явной поддержке достаточно влиятельных зарубежных и внутрироссийских

групп — фактически объявляет политическую войну нынешней российской элите и лично Путину. При этом политические амбиции самого Ходорковского необоснованны: в обозримом будущем никаких шансов занять президентский пост в России на демократических выборах у него нет. Однако слова о том, что «бескровной смены режима не будет», показывают, что расчёт Ходорковского и сил, за ним стоящих, — вовсе не на выборы

Митинг «За честные выборы» на Болотной площади в Москве — во время попытки устроить оранжевую революцию в России зимой 2011–2012 гг.

«Наезд на Россию развивае- тся по всем фронтам»

Не стоит надеяться, что скандал с двумя судебными решениями по делу «ЮКОС против России», принятыми арбитражем в Гааге и Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге, как-нибудь «рассосётся сам собой». Не рассосётся. Потому что, во-первых, уже активизировалось очень много желающих использовать эти судебные решения как прецедент для других, собственных исков. И, во-вторых, ясно, что сами эти прецеденты — лишь очередные (и очень небезопасные) элементы согласованной экономико-политической атаки на Россию.

Так, например, возвращение Крыма в состав России вместе с определённой инфра-

структурной и прочей собственностью в Киве (в том числе в Верховной раде) уже не раз называли «незаконной экспроприацией», результаты которой необходимо оспаривать в международных судах.

Кроме того, в России были признаны банкротами немало компаний, в которых присутствовала иностранная доля акционерной собственности. И вполне могут найтись охотники отсудить у нашей страны — на основе указанных «прецедентов по ЮКОСу» — «компенсации» за банкротство. Кто-то — со ссылками на европейскую Энергохартию, как в решении Гааги, а кто-то — со ссылками на нарушения прав человека, как в решении ЕСПЧ.

Этот процесс «уже пошёл». И в нём — уже! — участвуют не только бывшие акционеры ЮКОСа (ныне «Груп Менатеп»). Хотя

«Груп Менатеп» конечно же, участвует наиболее активно.

Так, 30 июня 2015 г. пресса сообщила, что 17 июня акционеры дочерних компаний «Груп Менатеп» предъявили в Совет Европы собственный план выплат Россией компенсаций бывшим акционерам ЮКОСа. Основание — то, что Россия свой план выплат в требуемый ЕСПЧ срок до 15 июня 2015 г. в суд не представила. По плану «Груп Менатеп», Россия должна назначить агента-распределителя (признанный международный банк) и до 31 декабря 2015 года перечислить ему 1,87 млрд евро в рублёвом эквиваленте. А далее агент-распределитель будет заниматься перечислением денег бывшим акционерам ЮКОСа в соответствии с реестром акционеров на момент ликвидации компании. «Груп Менатеп» предлагает обсудить

свой план на сессии Комитета министров Совета Европы, назначенной на 23–25 сентября.

В конце июня российские и зарубежные СМИ объявили, что в суд округа Колумбия (Вашингтон) официально предъявлен иск акционеров ЮКОСа против России о признании и принудительном исполнении решения Гаагского арбитража на территории США. Примечательно, что иск был доставлен в Москву и передан России лишь через полгода после его предъявления в суд в Вашингтоне. Ещё более примечательно (и, похоже, беспрецедентно!) то, что иск был передан в Россию через посольство США в Москве. Причём пресс-атташе посольства США в Москве Уилл Стивенс объяснил, что «Госдепартамент США по просьбе суда осуществляет доставку документов в том случае, если другие способы передачи невозможны». О какой

невозможности доставить иск в Москву по обычным судебным каналам идёт речь, г-н Стивенс не пояснил.

В своём иске в вашингтонский суд «Групп Менатеп» просит подтвердить в США решение Гаагского арбитража, утверждая, что *«Российская Федерация не обладает иммунитетом от юрисдикции этого суда, поскольку арбитражное решение регулируется международной нью-йоркской Конвенцией о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, и поскольку согласие России на арбитражное разбирательство в Гааге означало косвенный отказ от права на суверенный иммунитет».*

Одновременно с исками ЮКОСа России в последнюю неделю сделано ещё несколько санкционных, исковых и арестных «предъ-

яв».

29 июня 2015 г. правительство Канады объявило — в одностороннем порядке, без согласования с США и Евросоюзом — о расширении списка своих санкций против компаний и частных лиц из России. В расширенный санкционный список Канады оказались занесены, в частности, «Газпром», «Газпром нефть», «Сургутнефтегаз», «Транснефть», Оборонпром, «Высокоточные комплексы», «Тульский оружейный завод» и ряд других крупнейших российских корпораций. Кроме того, Канада одновременно объявила запрет на экспорт и импорт в Крым.

30 июня 2015 г. Минюст США потребовал от суда Манхэттена в Нью-Йорке заблокировать \$300 млн средств российских компаний «Вымпелком» и «МТС» в связи с расследованием подозрений о коррупционной деятель-

ности этих компаний в Узбекистане.

3 июля 2015 г. Минюст Грузии в иске в Европейский суд по правам человека потребовал от России выплатить компенсацию в 70,32 млн евро за моральный ущерб гражданам Грузии, высланных из России в 2006 г. Основание — то, что 3 июля 2014 года (обратим внимание на дату, практически совпадающую с антироссийскими решениями Гааги и Страсбурга по делу ЮКОСа) ЕСПЧ постановил, что при выдворении грузинских граждан в 2006 году Россия нарушила ряд положений Европейской конвенции по правам человека.

Россия оспорила это решение ЕСПЧ, подчеркнув, что не было ни высылки граждан Грузии, находившихся в России законно, ни ущемления прав этнических грузин — граждан РФ, и что депортация коснулась толь-

ко незаконных мигрантов. Но Грузия именно сейчас — опять-таки, в контексте «судебного наступления ЮКОСа», — активизировала свои попытки отсудить немалые деньги у России.

Ошибки России в «деле ЮКОСа» и их результаты

Судебное преследование компаний ЮКОСа и их акционеров в России было начато на фоне оптимистических представлений российской элиты о перспективах развития отношений с Западом. Несмотря на то, что США в 2002 г. в одностороннем порядке вышли из договора с Россией по противоракетной обороне (что, отмечу, должно было сильно насторожить российскую власть), в это время успеш-

но развивалось «антитеррористическое» сотрудничество между Россией и НАТО во главе с США. Кроме того, перед носом у России всё ещё висела «морковка» обещаний Запада делать последовательные шаги в направлении сближения с Москвой и создания единой «Европы от Лиссабона до Владивостока».

Возможно, по этой причине появление исков акционеров ЮКОСа против России в Гааге и Страсбурге не было воспринято в России с необходимой серьёзностью. В российских СМИ писали о том, что эти иски бесперспективны, поскольку налоговые преступления ЮКОСа доказаны с полной несомненностью и ни один суд в мире не сможет их оспорить.

Возможно, по этой причине в России не обратили внимания на специфику арбитражного правоприменения в отношении между-

народных экономических соглашений. Которая состоит в том, что подписанный, но не ратифицированный договор считается действующим в том случае, если сторона договора не протестует против его текущего применения и участвует в действиях, подпадающих под юрисдикцию этого договора.

Но именно это произошло с подписанной Россией в 1994 г., но не ратифицированной Европейской Энергетической хартией. До «дела ЮКОСа» Россия ни разу не отказывалась следовать положениям Энергохартии. Россия, более того, включилась в процесс обсуждения иска и участвовала в выборе «арбитражной тройки» Гаагского арбитража. Россия выбрала и утвердила компании, которые должны были представлять её интересы в арбитраже. Россия выбрала и утвердила адвокатов, которые должны были ве-

сти арбитражный процесс от её имени. И это, без сомнения, была очень серьёзная политическая ошибка.

Далее, не менее серьёзная политическая ошибка была совершена в части того, кого именно выбрала Россия для защиты своих интересов. И эта ошибка, видимо, целиком на совести российского Минюста.

В качестве своего представителя в арбитражной «тройке» судей Россия выбрала американца Стивена Швевеле из Вашингтона, известного тем, что он в спорах инвесторов с государством, как правило, принимает решения против государства в пользу инвесторов.

Россия поддержала назначение председателем «тройки» канадского судьи Ива Фортье.

Россия назначила представлять свои интересы в арбитражном споре две американские

компании: Cleary Gottlieb Steen & Hamilton и Baker Botts.

Россия согласилась с тем, что вести дело в суде от имени России будут более десятка зарубежных (опять-таки преимущественно американских) адвокатов.

И, наконец, как утверждают эксперты, Россия (Минюст?) не направила на процесс в Гааге ни одного свидетеля с российской стороны!

Сейчас в российской прессе появляются статьи, в которых авторы объясняют такой «американский крен» в представлении интересов России тем, что у нас в стране нет ни опыта проведения столь сложных арбитражных разбирательств, ни специалистов соответствующего уровня. Возможно, это что-то в данном деле объясняет, но, по моему мнению, никак не оправдывает.

В итоге лишь на стадии формулирования промежуточного решения арбитража, в августе 2009 г., Россия официально заявила об отказе от ратификации Энергохартии и, соответственно, о непризнании юрисдикции арбитража Гааги по данному иску. Но арбитраж в своём промежуточном решении в ноябре 2009 г. это российское заявление отверг, ссылаясь на то, что в период судебных и исполнительных действий России против ЮКОСа, а также предшествующего арбитражного разбирательства Россия никаких официальных возражений против Энергохартии не объявляла.

А дальше арбитражный процесс пошёл в согласованном Россией составе суда и представителей сторон. И в изменившихся обстоятельствах развёртывания новой холодной войны между Россией и США завершился

тем, что мы сейчас обсуждаем.

Причём ещё одна проблема состоит в том, что решения такого рода арбитража по существу арбитражного спора — окончательные и обжалованию не подлежат. Они могут быть оспорены лишь в государственном суде той страны, на территории которой принято арбитражное решение, в случае, если в соответствии с законодательством этой страны решение третейского арбитража нарушает «основы публичного правопорядка», то есть принципы и нормы конституционного уровня.

Кроме того, эти решения могут быть отклонены — на основе отказа в правомерности их исполнения в связи с нарушением публичного правопорядка — в судах тех стран, где предполагается исполнение арбитражного решения (то есть изъятие активов государства-ответчика).

Вот в такую коллизию вляпалась Россия в результате несерьёзного (а с чьей-то стороны, не исключено, продуманно-подрывного) отношения к искам бывшего ЮКОСа.

Возможная экономическая цена проблемы

Относительно масштабов возможной «охоты» на российские зарубежные активы по решению арбитража Гааги мнения экспертов расходятся.

В августе 2014 г. аналитическая группа инвестбанка Morgan Stanley оценила суммарный объём российской собственности за рубежом в \$479 млрд, из которых доля госучреждений России — около \$306 млрд. При этом ни часть активов, обладающих суверен-

ным дипломатическим иммунитетом, ни детальное раскрытие списка зарубежных российских госактивов в отчёте Morgan Stanley не приводятся.

В российской прессе даются оценки «недипломатической» зарубежной российской собственности от \$50–60 млрд до \$250–300 млрд. При этом иногда указывают, что инвесторы, выигравшие иск, обычно пытаются истребовать у местных судов арест активов ответчика в объёме вдвое–втрое большем, чем сумма иска. То есть, в нашем случае это \$100–150 млрд.

Однако следует подчеркнуть, что реализовать принудительное изъятие исковой зарубежной собственности по решению арбитража обычно бывает не так просто. Решение арбитража не имеет прямого применения, изъятие собственности должно быть санкциони-

ровано решением местного суда той страны, в которой располагается изымаемая собственность.

И совсем сложно решается этот вопрос в том случае, если такая собственность — это активы публичной компании, в которых есть как государственная доля собственности, допустимая к изъятию по арбитражному решению, так и частные и корпоративные акционерные доли множества инвесторов из разных стран, включая страну, в которой предполагается изъятие собственности. Очевидно, что в этом случае неизбежно наносится ущерб не только государству — ответчику по иску, но и этим самым многим тысячам частных и корпоративных акционеров.

С этой точки зрения большинство зарубежных активов российских компаний с госучастием изъять очень трудно. Посколь-

ку местный суд, который санкционирует такое изъятие, например, зарубежных активов «Газпрома» или его дочерних компаний, неизбежно столкнется со встречными исками о возмещении ущерба тысячам миноритарных частных акционеров. Нередко он заодно столкнется и с такими же исками очень крупных западных компаний, являющихся миноритарными акционерами «Газпрома».

По этим причинам ряд экспертов считает вполне вероятными попытки наложения ареста и последующего изъятия собственности России в виде ценных бумаг, депонированных в зарубежных банках от имени Минфина РФ (то есть государства) и составляющих Резервный фонд России и Фонд национального благосостояния. Однако и здесь есть юридическая тонкость, затрудняющая санкцию национальных судов на такое изъятие.

Совокупные валютные резервы России управляются Центральным банком, который имеет независимый от государства статус, и депонируются за рубежом вместе с ценными бумагами, находящимися в прямом распоряжении ЦБ. Отделить и изъять государственную долю резервов в этой ситуации — проблема очень сложная и вряд ли быстро разрешимая.

Кроме того, такие действия национальных банков любой страны обязательно будут восприняты как враждебная (то есть практически военная) финансово-политическая акция. Со всеми отсюда вытекающими военно-политическими последствиями, санкционировать которые даже сверхдержава масштаба США вряд ли решится без серьёзных размышлений.

Потому — в случае дальнейшего обостре-

ния отношений между Россией и Западом — наиболее вероятным развитием ситуации с попытками реализации решения арбитража Гааги в различных странах представляются действия в стиле «затаскать по судам». То есть инициировать в судах разных стран множество действий по выявлению и изъятию российских государственных активов, на которые Россия должна юридически реагировать.

В этом случае России придётся нанимать десятки юридических фирм и сотни адвокатов, оплачивать и контролировать их работу, направлять представителей и свидетелей на процессы и так далее. А это, как подчёркивают опытные юристы, дело не только чрезвычайно длительное, трудоёмкое и хлопотное, но ещё и весьма дорогостоящее.

Реакции российской власти и общества на решения арбитража Гааги и ЕСПЧ

Одной из первых экспертных реакций (когда предполагалось, что арест российских активов начался по решению Европейского суда по правам человека) стал тезис «наплевать». Мол, решения ЕСПЧ не выполняют многие страны. Тут же в прессе всплыли данные недавнего мониторинга ЕСПЧ, согласно которому главный должник по исполнению решений этого суда — не Россия, а Италия (2 622 неисполненных решения), а Россия и Турция имеют «всего лишь» примерно по 1 500 неисполненных решений.

Далее, когда стало ясно, что речь идёт об исполнении решения арбитража в Гааге, за-

звучали призывы горячих голов начать «симметричные» аресты зарубежной собственности в России. Однако горячие головы быстро охладили эксперты, указавшие, что, во-первых, зарубежной собственности в России несравненно меньше, чем российской собственности за рубежом, и, во-вторых, что такой решительный выход России за пределы формального международного правового поля повлечёт для страны неизбежные и очень болезненные экономические последствия даже в тех странах, которые пока относятся к России максимально дружелюбно.

Президент РФ В. Путин уже 20 июня 2015 г. заявил, что Россия не признаёт решение арбитража Гааги по делу ЮКОСа: *«По делам подобного рода Гаагский арбитражный суд имеет компетенции только в отношении тех стран, которые подписа-*

ли и ратифицировали Европейскую энергетическую хартию. Россия не ратифицировала эту хартию, поэтому мы не признаём юрисдикцию этой судебной инстанции и будем доказывать это в установленном порядке через судебные процедуры».

Однако понятно, что не признавать — недостаточно, поскольку аресты начались и почти наверняка будут продолжены. Нужно ещё суметь оспорить. И, как я показал выше, это, видимо, окажется далеко не просто.

Один из возможных аргументов для того, чтобы оспорить это решение арбитража Гааги — практически одновременное решение ЕСПЧ по делу того же ЮКОСа. Ведь ЕСПЧ дважды, причём в разных составах нижней палаты, признал, что рассмотрение «дела ЮКОСа» в России не было полити-

зированным и что налоговые претензии российского суда были правомерны. В том числе поэтому сумма выплаты России акционерам ЮКОСа по решению ЕСПЧ сравнительно невелика — в 20 раз меньше, чем по решению арбитража Гааги, и в 50 раз меньше, чем требовали истцы.

Таким образом, налицо противоречие между близкими по содержанию решениями Гааги и Страсбурга, что ставит оба эти решения под сомнение и «самодискредитирует» оба суда. И на этом явном юридическом противоречии при оспаривании решения гаагского арбитража, видимо, можно сыграть. Прежде всего, при рассмотрении протеста России на решение арбитража в государственном городском суде Гааги, начало которого назначено на ноябрь 2015 г.

Но здесь следует ещё раз подчеркнуть, что

оспорить самое болезненное для России решение арбитража Гааги, а тем более оба решения одновременно — и арбитража, и ЕСПЧ — будет далеко не просто.

Политическое измерение атаки на Россию по «делу ЮКОСа»

На фоне обсуждения скандальных финансовых притязаний акционеров ЮКОСа к России (а также сообщений о том, что Следственный комитет РФ открыл ещё одно уголовное дело против Ходорковского по подозрениям в его соучастии в серии убийств экономических конкурентов ЮКОСа) из поля зрения российской прессы почти полностью ушло политическое измерение этого конфликта. А оно

представляется далеко не второстепенным.

Формальным инициатором атаки на Россию по «делу ЮКОСа» является группа бывших соратников Ходорковского, которые после ареста Алексея Пичугина летом 2003 г. спешно отправились за рубеж и доныне там находятся.

Это Леонид Невзлин — бывший заместитель Ходорковского в компании «Роспром-ЮКОС», которому Ходорковский в конце 2005 г. передал все свои акции «Груп Мена-теп» и который в начале 2000-х годов финансировал и курировал основную часть создаваемой ЮКОСом политической оппозиции — партии «Яблоко» и СПС. В январе 2004 года он был объявлен российским судом в международный розыск, а в августе 2008 г. Московский городской суд в завершение длившегося несколько лет заочного процесса признал

Невзлина виновным в убийствах, хищении и неуплате налогов и приговорил к пожизненному заключению.

Это Владимир Дубов — бывший зампредседателя правления компании «ЮКОС—Москва», в 2012 г. заочно приговорённый Замоскворецким судом Москвы за хищение 76 млрд руб. из бюджета к восьми годам лишения свободы.

Это Михаил Брудно — бывший президент компании «ЮКОС-РМ», на которого в мае 2005 г. была выдана санкция на арест по обвинению в хищении \$7 млрд и отмывании 133 млрд руб. Однако Брудно по-прежнему за рубежом, причём США и Литва дали ему гарантии юридической неприкосновенности.

Дубов и Брудно в ЮКОСе в основном отвечали за «связи с государством», а вне ЮКОСа считались главными организатора-

ми коррупционно-лоббистских связей с членами местных и федеральных органов исполнительной, законодательной и судебной власти.

Именно перечисленные соратники Ходорковского по ЮКОСу начиная с 2003 г. готовили финансовые иски против России в зарубежных судах. Но уже через год после ареста Ходорковского появились отчётливые признаки того, что «исковая экономическая атака» на Россию — лишь часть большой игры с политическими целями. И что главную политическую ставку в кампании «ЮКОС против России» зарубежные и российские кураторы этой кампании делают именно на Михаила Ходорковского.

Это видно хотя бы по тому, как Ходорковскому весь период его «отсидки» обеспечивали новое «благородное» политическое рено-

ме публикацией его статей в ведущих российских и зарубежных изданиях.

Уже весной 2004 г. в «Ведомостях» появилась статья Ходорковского «Кризис либерализма в России», под Новый 2005 год в тех же «Ведомостях» — статья «Собственность и свобода».

В августе и ноябре 2005 г. «Ведомости» и «Коммерсант» напечатали статьи Ходорковского «Левый поворот» и «Левый поворот-2», после которых российская «либеральная общественность» начала задавать вопросы о том, как именно тюрьма превратила либерала-олигарха в социал-демократа или чуть ли не в коммуниста.

20 ноября 2006 г. статью Ходорковского «2007 г. может стать поистине переломным в новейшей истории человечества» опубликовал влиятельный британский журнал The

Economist. Из этой статьи читатель должен был понять, что Ходорковский — глубокий, глобальный, стратегический аналитик и прогнозист, пекущийся о благе человечества.

1 октября 2007 г. на интернет-портале «Всероссийский гражданский конгресс» появилась статья Ходорковского «Мораль и справедливость», которую он начинает с оправдания справедливости залоговой приватизации ЮКОСа, продолжает осуждением несправедливой чековой приватизации, а завершает призывом противопоставить любым силовым методам решения проблем построение в России нового общества на основе морали и религиозной веры.

7 ноября 2008 г. — отметим, в точности в «красный день календаря» и на подъёме глобального кризиса — «Ведомости» публикуют статью «Левый поворот-3. Глобальная

perestroika». В которой Ходорковский вполне аргументированно обличает неолиберализм, свергший мир и Россию в глубокий кризис, объявляет вступающего на пост президента США Барака Обаму провозвестником глобального «левого поворота», формулирует «двенадцать тезисов» глобальной «левой перестройки», а в заключение предсказывает, что после кризиса возникнет новый мир — мир «неосоциализма». Который за 12–15 лет расчистит «завалы» кризиса и затем уступит место новой либеральной эпохе.

15 июня 2009 г. в статье со знаковым названием «Россия в ожидании суда» в журнале «Коммерсант-Власть» Ходорковский жёстко (и во многом справедливо) критикует сложившуюся в стране судебную систему и подробно описывает, какой она должна быть. Правда, не объясняет, кто (какой класс или

социальная группа) и как именно может совершить предлагаемые благие судебные трансформации.

21 октября 2009 г. — вновь статья в «Ведомостях». Вновь программная, под названием «Поколение М». В ней Ходорковский сначала мягко критикует Президента Дмитрия Медведева за приверженность политическому курсу премьера Владимира Путина, которую Медведев обнаружил в своей программной статье «Россия, вперёд!». А далее Ходорковский предлагает Медведеву — для действительной реализации тех целей модернизации, которые провозглашает Медведев, — сделать следующее.

Во-первых, Медведев должен опереться на «модернизационный класс» в числе не менее 2 млн человек, к которому Ходорковский относит:

- владельцев и менеджеров небольших и средних частных компаний с осязаемыми результатами работы в инновационной сфере;
- учёных и инженеров «советского» происхождения, работающих по специальности в России, а также уехавших на Запад, но готовых вернуться в Россию «на модернизацию» по призыву Медведева;
- молодых специалистов с высоким творческим потенциалом, делающих выбор между «уехать туда» и «реализоваться здесь» и готовых поверить Медведеву;
- и, наконец, гуманитарную интеллигенцию — *«настоящих преподавателей и журналистов, не добитых гламуром и играми в суверенную демократию».*

Во-вторых, Медведев должен «расчистить поле поколению М», «серьёзно потеснив крепко вцепившихся в свои места представителей тандема коррумпированная бюрократия – паразитический капитал».

И, в-третьих, Медведев должен провести политические реформы, ликвидировав «вертикаль власти» и создав «работающие институты демократического государства и эффективное гражданское общество».

Здесь мы впервые видим «в концентрированном виде» основные программные блоки будущей «болотной» попытки оранжевой революции в России — от заявки на узкий «модернизационный креативный класс» до требований смены элиты через политические реформы, ликвидирующие «вертикаль власти».

3 марта 2009 г. Ходорковский публикует

в «Независимой газете» статью «Узаконенное насилие». В ней он заявляет, что правоохранительная система России, начиная с оперативной работы, продолжая следствием и завершая судом, — это антиконституционный и антиправовой «силовой конвейер». Этот «силовой конвейер», подчёркивает Ходорковский, является могильщиком современной российской государственности, поскольку *«с завидной регулярностью восстанавливает против этой государственности многие тысячи самых активных, разумных и самостоятельных граждан страны».*

В конце статьи Ходорковский пишет главное: *«Социальный взрыв (как и социальный прогресс) обеспечивает активное меньшинство... 3% населения, если это его самая активная часть, — критическая масса, необходимая и достаточная*

для радикальных перемен. Силовой конвейер с присущей ему грубой методичностью куёт сегодня такое антисистемное меньшинство».

Наконец, под Новый 2011 год Ходорковский печатает в «Независимой газете» статью «Власти не хватает добра и терпимости», посвящённую предновогоднему «телемарафону» В. Путина. В ней настойчиво проводится одна мысль: коррупция, воровство, нарастающая криминализация общества и государства — это результат выстроенной Путиным «вертикали власти», и Путин это понимает. Его все боятся, но никто не любит, кроме собаки. Завершает статью пассаж, который опять-таки стоит процитировать: *«Скоро наступят светлые, праздничные дни. Мы будем желать друг другу добра и счастья... Вот и я желаю Путину добра*

и терпимости, чтобы его не боялись, но любили... и не только собаки... А нашу страну мы обустроим сами. Без злобы и зубовного скрежета. Без выдуманых врагов и корыстной «вертикали».

Оставим в стороне конспирологические сообщения о том, кто именно писал Ходорковскому перечисленные статьи. Правило политики состоит в том, что кто подписал, тот и писал. Зафиксируем лишь то обстоятельство, что сумма этих статей, столь подробно приведённых мною, — достаточно последовательно выстроенная заявка Ходорковского на высшую политическую роль в России.

И обратим внимание на ещё один небезынтересный факт. Международная правозащитная организация Amnesty International, начиная с 2005 г., отвергала требования российских и зарубежных правозащитников при-

знать Ходорковского «узником совести», подчёркивая, что такое решение может быть вынесено лишь в отношении человека, ни одно из криминальных обвинений против которого не является обоснованным. А в мае 2011 г. — на момент начала политической «раскачки» «оранжевого процесса» в России — Amnesty International «вдруг» передумала и присвоила Ходорковскому статус «узника совести».

И сразу после этого решения — и, в том числе, на его основании — российское «креативное меньшинство» начало всё увереннее озвучивать политическую заявку Ходорковского. Причём особенно громко эта заявка (например, в форме митинговых лозунгов «Медведева — в президенты, Ходорковского — в премьеры») зазвучала в период эксцессов на Болотной и Сахарова зимой 2011–2012 гг. В околовластных коридорах тогда

нередко шептали, что на президентских выборах 2012 г. нужно «протащить» Медведева и затем освободить Ходорковского, а на следующих выборах заменить президента будет лишь «делом техники».

На выборах 2012 г. «протащить» Медведева не получилось. В конце 2013 г. Ходорковский подал Путину прошение о помиловании «по семейным обстоятельствам» и 20 декабря Президент подписал Указ об освобождении Ходорковского. Который сразу отправился в Берлин и оттуда заявил на пресс-конференции, что не будет заниматься политикой, но намерен сконцентрироваться на общественной и правозащитной деятельности.

Развёртывание политической кампании бывшего «узника совести»

Своё обещание не заниматься политикой Ходорковский нарушил уже весной 2014 г. Он выступил на Майдане в Киеве с поддержкой «украинской революции», а затем провёл там же, в Киеве, откровенно антироссийский «съезд русской интеллигенции».

В начале июня 2014 г. в интервью французской газете «Ле Монд» Ходорковский призывал провести в России *«такие же честные выборы, как на Украине»*, и безоговорочно поддержал карательную операцию Киева в Донбассе.

В конце августа 2014 г. Ходорковский призывал граждан России активно протестовать

против политики власти Путина в отношении Украины.

20 сентября 2014 г. в Париже Ходорковский заявил журналистам, что готов претендовать на президентский пост в России, чтобы *«провести конституционную реформу, основная часть которой будет состоять в перераспределении президентской власти судебной системе, парламенту и гражданскому обществу»*.

В этом же парижском интервью 20 сентября Ходорковский объявил, что восстановил в России свой «гуманитарно-образовательный» проект «Открытая Россия». Причём не только в сфере, зафиксированной в уставе «правозащитной» деятельности (защита арестованных хулиганов-погромщиков с митинга на Болотной площади в Москве и украинской наводчицы Савченко, по целеуказанию кото-

рой был проведён миномётный обстрел российских журналистов в Донбассе). Стало понятно, что этот проект восстановлен и в части финансирования, и иной поддержки антивластных политических партий и групп. Ходорковский заявил, что оппозиции *«надо самоорганизовываться перед выборами в Госдуму 2016 года, поскольку выборы — это уязвимое место действующей российской власти»*.

2 декабря 2014 г. в выступлении в Европарламенте Ходорковский заявил, что *«политика задабривания Кремля — это путь, который приведёт к большой войне гораздо быстрее, чем кажется многим конформистски настроенным политикам и бизнесменам Европы»*.

В конце февраля 2015 г. Ходорковский прочёл лекцию в главном британском страте-

гическом центре — лондонском «Чатем Хаус». В лекции он подчеркнул, что политический курс Путина в условиях кризиса отношений с Западом и санкций вызывает растущее отторжение и раскол в российских элитах, назвал Путина «голым королём», а развитие ситуации в России — агонией режима. А далее объявил, что в России существует некое противостоящее Путину меньшинство численностью 11–17 миллионов человек — Ходорковский назвал его «мы», — которое знает, как создать в стране эффективную, конкурентную и свободную политическую систему и экономику, а также установить дружественные отношения с Западом. И завершил лекцию заявлением «Будущее России — это мы».

В апреле 2015 г. в аналогичной лекции в американском Стэнфордском университете Ходорковский объяснил конфликт с Западом

вокруг Украины следующим образом: в России «внутренний враг в лице независимого бизнеса был уничтожен. Для мобилизации масс вокруг клептократии потребовался враг внешний». И продолжил: «Сегодня гражданское неповиновение в России наиболее ярко проявляется в выводе капитала, утечке мозгов и падении предпринимательской активности, то есть на индивидуальном уровне. Но процесс будет усугубляться. Люди постепенно поймут, что сервиллизмом выстлана дорога к несвободе, к нищете, к потере достоинства. Режим падёт, и когда это произойдёт, нам потребуются быстрый вывод страны из изоляции. А это люди, капитал, технологии. Именно поэтому нам важно, чтобы здесь знали тех, кому предстоит строить Россию будущее».

го».

11 мая 2015 г. в интервью германской газете Die Welt Ходорковский заявил: *«Я думаю, Путин ещё сам доведёт своё дело до конца. А после него всё может стать только лучше»*. И добавил: *«Бескровной смены режима не будет. Тысячи людей знают, что им придётся понести личную ответственность за то, что они сделали при Путине»*.

18 июня 2015 г. на заседании Атлантического совета Ходорковский вновь заявил, что противостояние России и Запада создано искусственно и что *«Охлаждение отношений вдохновлено той частью российских элит, которые хотят удержат власть. К сожалению, ни о каком сближении не может быть и речи до тех пор, пока Путин остаётся во власти»*.

Как мы видим, Ходорковский — при явной поддержке достаточно влиятельных зарубежных и внутрироссийских групп — фактически объявляет политическую войну нынешней российской элите и лично Путину.

При этом представляется, что личные политические амбиции самого Ходорковского необоснованны. В обозримом будущем никаких шансов занять президентский пост в России на демократических выборах у него нет.

Однако слова о том, что *«бескровной смены режима не будет»*, показывают, что расчёт Ходорковского и сил, за ним стоящих, — вовсе не на выборы. Но именно у этих сил в настоящее время имеется (и накапливается при участии Ходорковского) в столице и регионах тот немалый ресурс «невыборной» смены власти в стране, который уже однажды попытались разыграть в Москве зимой 2011–

2012 гт.

На накопление этого ресурса наша власть, если она не хочет «великих потрясений», должна оперативно и точно реагировать.

А что делать с исками «ЮКОСа»?

Первое. Не совершать ошибок, подобных рассмотренной выше истории с признанием/непризнанием Европейской энергохартии и неадекватной защиты позиции России в арбитраже Гааги.

Второе. Настойчиво и квалифицированно оспаривать решение арбитража Гааги в голландском суде, который только и способен прекратить изъятия российских зарубежных активов «в зародыше».

Третье. Инициировать и довести до строгого логического и юридического результата процесс рассмотрения коллизии с решениями Гааги и ЕСПЧ в Конституционном суде РФ. Твёрдо установить раз и навсегда, что решения зарубежных судов и арбитражей, посягающие на конституционный суверенитет России, не подлежат исполнению.

Четвёртое. Рассмотреть и принять в обеих палатах Федерального собрания РФ поправки в российское законодательство, определяющие реакции России на попытки вторжения за рубежом в наш национальный конституционный суверенитет.

Пятое. Рассмотреть и принять в Федеральном Собрании РФ поправки в российское законодательство, устанавливающие правовые процедуры защиты российской государственной и коммерческой собственности за

рубежом.

Шестое. Инвентаризировать, переосмыслить и скорректировать состав, объём и правовой статус российской государственной и коммерческой собственности за рубежом. Делать это с учётом того обстоятельства, что в нынешних условиях развивающейся «новой холодной войны» против России — рассчитывать на объективность, справедливость и политическую неангажированность многих зарубежных судов и арбитражей нам уже не приходится.

Юрий Бялый

Информационно-
психологическая
война

Поппер и другие — 6

В начале 1930-х годов отношения СССР и Великобритании были напряжёнными. Причём если с английскими либералами и лейбористами удалось выстроить хоть какой-то диалог, то с консерваторами диалог не налаживался

Леди Астор

Бернард Шоу в СССР

Бернард Шоу и леди Астор с партийными и деятелями культуры СССР; крайний слева — Карл Радек, второй слева А.Луначарский

Что связывало многие годы фабианца-социалиста Бернарда Шоу, симпатизировавшего СССР, и яркую антисоветчицу, члена британской Консервативной партии леди Астор — людей столь разных политических

взглядов?

Безусловно, их роднила некоторая схожесть характеров — оба были людьми взрывного темперамента, неуёмными, язвительными, эксцентричными, склонными к эпатажу. Вот как описывает Нэнси Астор Иван Майский, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Великобритании в 1932–1943 гг.: *«Леди Астор была прекрасным воплощением вечного беспокойства. В ней точно бес сидел. Она всегда куда-то торопилась, всегда кого-то с кем-то знакомила, всегда кому-то что-то сообщала и притом всё это делала с большой ажитацией. Манеры у леди Астор были резкие, чисто американские: говорила она быстро, хохотала громко, фамильярно хлопала собеседника по плечу, хватала гостя за руки и тащила, куда хотела...»* В английской Па-

лате общин её называли «наше парламентское *enfant terrible*» («ужасное дитя»).

А вот портрет Бернарда Шоу, набросанный чешским художником и писателем Адольфом Гофмейстером после личной встречи с семидесятилетним драматургом: «Начиная с первого вопроса, его красноречие непрерывно извергало столько слов и мыслей, что энергии этого потока хватило бы для электрификации целой Европы. Это были какие-то скачки, прямо рекордные для такого старого господина... Шоу с литературы перескакивал на географию, из Лондона переносился в Чехию. Он очень хвалил Карела Чапека, но не одобрял гимнастов из «Сокола» за то, что они без толку размахивают руками, при этом он сам размахивал руками и жестикулировал, как мальчишка... Он

пишет только стенографическими знаками и при письме надевает роговые очки с зелёными стёклами. Он слишком большого роста и потому ходит, согнувшись чуть не пополам... Его говорливости и подвижности хватило бы на целое поколение...»

Однако схожесть отдельных черт характера — недостаточное основание для многолетних устойчивых отношений. А отношения Шоу и Астор были удивительно устойчивыми. Шоу, принципиально поддерживавший СССР в ходе Второй мировой войны, не прекращал общения с леди Астор даже тогда, когда её действия начинали входить в противоречие с его принципами. Я имею в виду регулярные сборы в поместье Асторов Кливдене так называемой «кливденской клики» — группы влиятельных английских политиков,

стремившихся к заключению союза между Великобританией и гитлеровской Германией.

Мы не знаем, в каком году и при каких обстоятельствах зародилась дружба Шоу и Астор. Однако знаем, что по меньшей мере к лету 1931 года между ними уже существовали близкие человеческие отношения. Теплота этих отношений тронула известного советского физика Петра Капицу, оказавшегося случайным попутчиком Шоу и его компаньонов, когда те возвращались на поезде из Москвы в Англию: *«За Бернардом Шоу она [леди Астор] смотрит, как за ребёнком, гладит его по голове, щупает пульс и лоб — «не простудился ли старик?»»*.

Собственно говоря, совместная поездка Шоу и Нэнси Астор в Советский Союз в июле 1931 года явилась в какой-то степени следствием их человеческой близости. Незадолго

до обсуждаемой нами поездки над леди Астор сгустились тучи. Вскрылось, что её сын от первого брака, Бобби Шоу (однофамилец Бернарда Шоу) — гомосексуалист. Уже само по себе это было большой неприятностью для уроженки американского штата Вирджиния, придерживавшейся стандартных взглядов на отношения между полами. Шоу, столь же консервативный в этом вопросе, глубоко ей сочувствовал. *«Нэнси, Нэнси, что-то во мне отзывается болью на твои невзгоды, — написал Шоу леди Астор в связи с ситуацией вокруг Бобби. — Думаю, ты назвала бы это моим сердцем».*

Но проблема не сводилась только к материнским переживаниям леди Астор. В Англии того времени гомосексуализм уголовно преследовался. В случае ареста сына и суда над ним громкий скандал был бы неиз-

бежен. Это означало крушение политической карьеры «первой в Англии женщины-парламентария». Перспектива пройти на очередных выборах в нижнюю палату парламента для неё попросту закрывалась. Это Шоу тоже прекрасно понимал. Видимо, именно поэтому он и предложил своему «другу Нэнси» и её супругу совместный визит в Советскую Россию.

При всём сострадании к леди Астор Шоу вряд ли исходил из того, что ей надо просто «развентаться», — речь ведь шла не о женщине с разыгравшимися нервами, а о политическом игроке. Шоу знал, что в СССР его визиту придаётся огромное значение, что он и его спутники будут приняты на высоком политическом уровне. Соответственно, западная пресса (в том числе, британская) широко осветит данное событие. Причём даже в слу-

чае негативной реакции СМИ имя Асторов, встречавшихся с советским политическим истеблишментом, окажется приподнято в глазах общественного мнения. А значит, хотя бы до некоторой степени защищено.

Впрочем, вопрос о том, кому принадлежала идея совместной поездки в Советский Союз, — спорный. Это по «классической» версии Шоу задумал отметить своё 75-летие в стране победившего социализма и пригласил с собой давних знакомых — лорда и леди Асторов. О подоплёке приглашения (истории с Бобби) данная версия корректно умалчивает. С учётом подоплёки Шоу не просто пригласил с собой давних знакомых, а протянул Нэнси Астор руку помощи. Но в любом случае инициатором поездки, по этой версии, являлся Шоу.

А вот в биографии Бернарда Шоу, напи-

санной Хескетом Пирсоном и изданной в 1942 году, утверждается нечто иное. Пирсон сообщает, что Бернард Шоу был тяжёл на подъём и не отправился бы ни в какую Москву, если бы не толчок извне. Поскольку Пирсон плотно взаимодействовал с Шоу в ходе работы над его биографией (а стало быть, являлся человеком осведомлённым), — прислушаемся к тому, что он сообщает по поводу этого «толчка извне»: *«Летом 1931 года к нему [Бернарду Шоу] заехал маркиз Лотриан. Он передал Шоу, что леди Астор нуждается в срочном отдыхе и что лорд Астор и он, маркиз Лотриан, хотели бы сопроводить её в Москву и не желали бы себе лучшего спутника, чем Шоу. Лучших спутников не мог себе пожелать и Шоу».*

Этот небольшой фрагмент очень содержателен.

Прежде всего, мы узнаём, что (если Пирсон точен) инициаторами поездки в Москву были маркиз Лотиан и Асторы, а вовсе не Шоу.

Мы узнаём также о близости маркиза Лотиана к семейству Асторов — иначе с какой стати его беспокоило бы состояние леди Астор?

Мы узнаём, наконец, что не только между Шоу и Асторами, но и между Шоу и маркизом Лотианом существовали приятельные отношения (Шоу и трио Лотиан—Асторы друг для друга — «лучшие спутники»).

Попутно возникает вопрос: кто такой маркиз Лотиан? Мы обязательно к нему вернёмся, но несколько позже. А сначала зададимся другим вопросом: почему, собственно, Лотиану и Асторам понадобился Шоу? Не потому ли, что отправиться в Советскую Россию на

правах частных лиц совсем не то же самое, что отправиться в одной делегации с великим драматургом, дружественное слово которого крайне важно для СССР и которого будут принимать «по высшему разряду»?

Заметим, что в обсуждаемый нами момент времени (начало 1930-х годов) отношения СССР и Великобритании были напряжёнными. Причём если с английскими либералами и лейбористами Советскому Союзу удалось выстроить хоть какой-то диалог, то с консерваторами, крайне непримиримо относившимися к «большевистскому режиму», диалог не налаживался. Так что представители Консервативной партии Асторы могли тут претендовать на роль первопроходцев. А первопроходцу в каком-то смысле никакой скандал местного разлива (мало ли что натворил чей-то сынишка!) уже не страшен. Потому

что первопроходец — конечно, в случае, если удачно исполнит свою роль, — становится обладателем «эксклюзивных» отношений (или «эксклюзивной» информации). То есть представляет ценность и для правительства, и для политической элиты своей страны. А если он представляет ценность, то газетчики его тронуть не посмеют.

В уже упомянутой нами биографии Бернарда Шоу, принадлежащей перу Хескета Пирсона, чёрным по белому написано, что изначально в программе пребывания Шоу в Москве встреча со Сталиным не значилась. Шоу и не рвался к этой встрече. С кем ему действительно хотелось встретиться, так это с вдовой Ленина Н.К. Крупской. Со Сталиным же он встречи не искал, *«не имея к нему дела и не стремясь тратить время на удовлетворение своего любопыт-*

ства...»

А вот «остальные участники поездки (то есть Асторы и Лотиан — А.К.) поставили себе целью добиться беседы со Сталиным». И добились: «Несмотря на то, что Сталин не давал интервью иностранцам и с ним не встречались даже британский и американский послы, для лорда Астора и его друзей было сделано исключение».

Далее Пирсон излагает со слов Шоу некоторые подробности этой встречи. В частности, сообщает о содержании беседы маркиза Лотиана со Сталиным. Лотиан «посвятил Сталина в то трудное положение, в каком оказалась тогда английская либеральная интеллигенция. Остатки партии разделились: правое крыло примкнуло к консерваторам, а левое осталось ни при чём. К лейбористской оппозиции левые не

присоединялись, ибо в области государственного управления во многом принципиально расходились с лейбористами. Левые либералы, по мнению Лотиана, были единственной политической организацией на Западе, способной на подлинно научное построение коммунизма. Такая программа определит им место слева от лейбористской партии, что создаст новую ситуацию в британской политической жизни».

Итак, Лотиан взялся «сватать» Сталину «левых либералов». Надо иметь в виду, что с 1916 по 1921 гг. Лотиан был личным секретарём Ллойд Джорджа — последнего британского премьер-министра от Либеральной партии. Английские либералы с середины XIX века по двадцатые годы XX века являлись, наряду с консерваторами, одной из

двух ключевых политических сил Великобритании. Но к описываемому моменту утратили былые позиции — их потеснили лейбористы, ставшие основными соперниками Консервативной партии.

Описав сложившуюся обстановку, лорд Лотиан перешёл, надо полагать, к основной цели своей поездки в СССР. Он предложил Политбюро пригласить Ллойд Джорджа в Москву с официальным визитом, поскольку тот является *«лидером новой секции»* (левых либералов) и ему нужно увидеть своими глазами, каких успехов достигла Россия.

Однако *«Сталин только улыбнулся в ответ. С юмором, который едва ли дошёл до его гостей, он пояснил, что роль господина Ллойд Джорджа в Гражданской войне, когда барон Врангель вёл белых в поход против красных, — эта роль дела-*

ет официальное приглашение этого господина невозможным (Ллойд Джордж поддерживал Врангеля — А.К.). Однако если только господин Ллойд Джордж пожелает прибыть в Россию как частное лицо, он не останется в обиде на своих экскурсоводов».

Лорд Астор («ради которого было затеяно это свидание») заверил Сталина, что «вопреки разнузданной антисоветчине, которой дышит британская пресса, в Англии набирают силу дружеские настроения по отношению к России и проводимому ею великому социальному эксперименту».

В общей сложности встреча со Сталиным продлилась более двух часов.

Если Асторы рассчитывали на то, что поездка в Москву принесёт им определённые

дивиденды, то расчёт этот полностью оправдался. Известие о том, что Асторы и Лоттиан наряду с Бернардом Шоу встречались со Сталиным, разлетелось с быстротой молнии. А появившийся позже апокриф, согласно которому леди Астор стала единственным на планете человеком, не побоявшимся в лицо назвать Сталина «убийцей», оказался ничуть не менее популярным, чем анекдоты о её перепалках с Черчиллем. (Якобы во время встречи со Сталиным леди Астор неожиданно спросила его: «Когда вы прекратите убивать своих подданных?» Переводчик обмер, но по требованию Сталина перевёл вопрос. Сталин спокойно ответил: «В нашей стране идёт борьба с нарушителями конституции. Мир наступит, когда нарушения прекратятся».)

Что касается Бобби Шоу, то он, получив

предупреждение о надвигавшемся аресте, не пожелал бежать из Великобритании и был арестован. Однако по возвращении из СССР Асторам удалось при помощи симпатизировавшего Сталину газетного монополиста лорда Бивербрука добиться практически невозможного: новость об аресте сына леди Астор не стала достоянием общественности. А в ноябре 1931 года Бобби был уже освобождён.

В следующей статье мы остановимся подробнее на фигуре маркиза Лотиана. Данная фигура важна для нас — в том числе потому, что Лотиан вскоре станет одним из ключевых участников «кливденской клики».

Анна Кудинова

Классическая война

Неклассическая классическая война

Теперь, когда развеялись сомнения в том, что армия есть, что это — не фантом и не мираж, на повестку дня встал другой, гораздо более важный вопрос — сможет ли эта армия защитить страну от новых, невиданных прежде угроз?

«Только сильная армия может обеспечить выживание России» — таков один из краеугольных принципов, усвоенный нами после столетий кровавых нашествий, набегов и войн. После распада СССР либеральная власть стала декларировать, что «врагов у нас нет» и что «мы входим в семью цивилизованных народов», которые против нас воевать ни за что не будут. Но это утверждение в корне противоречило всему историческому опыту России и вызывало в сознании общества сильнейший диссонанс. То есть обществу, может быть, и хотелось верить в эти лукавые декларации, но что-то нутряное, глубинное препятствовало исполнению такого хотения.

Так мы и жили... Необходимость иметь сильную армию — высмеивалась. Доверие к армии — подрывалось. Убийственная крити-

ка чернила всё подряд. Общество кивало головой, соглашалось. Но подспудно в нём зрело недоумение: «Как же так? Кто же защитит нас, если армии не будет? Ведь вон какая территория! И сколько ресурсов! И как мало населения! Как же мы без мощной армии?».

Дискредитация армии велась напористо и системно. А нутряные сомнения... Они в лучшем случае снижали скорость падения престижа армии. Но и не более того. Престиж армии падал и падал. Желание «защищать Родину» у большинства молодёжи отсутствовало. Всё происходящее в армии подавалось в чёрном свете. Мол, в армии господствует дедовщина... Армия допустила бездарную гибель «Курска», взрывы на складах боеприпасов. Армия ведёт грязную войну с благородными чеченскими повстанцами, отстаивающими свою свободу. Нужна очередная армей-

ская реформа, которая обеспечит разрыв с вековой бессмысленной милитаризацией России. Одним словом, информационные орудия били в цель непрерывно. И надо признать, что даже сегодня, спустя 25 лет, последствия тех разрушительных для армии информационных войн продолжают сказываться самым губительным образом.

Однако в начале 2000-х годов что-то понемногу стало меняться. Заржавевшие было на аэродромах самолёты стали летать, корабли — плавать, ракеты — попадать в цель, а солдаты — не только строить дачи генералам, но и участвовать в учениях. На армию, пусть и скупое, стали выделяться средства. Во всё возрастающем объёме стала модернизироваться или хотя бы ремонтироваться военная техника. Офицерам перестали задерживать заработную плату, а затем начали даже

её повышать.

Тогда же стали предприниматься меры по изменению отношения общества к армии. Интересующийся армией гражданин понемногу начал замечать, что информации о состоянии дел в Вооружённых Силах становится больше, и она (о чудо!) далеко не вся негативная.

В последние 2–3 года эти изменения стали заметны уже практически каждому. Возросшее количество всевозможных телепрограмм, посвящённых различным аспектам функционирования ВС, новейшей военной технике и людям, которые ею управляют, организованные Министерством обороны поездки журналистов в военные части для освещения быта военных, масштабные военные парады — вся эта целенаправленная работа постепенно вернула престиж армии.

И в общественном сознании, наконец, всё

встало на свои места — народ убедился, что армия крепнет, и исчез подспудный страх остаться без защиты.

Но теперь, когда развеялись сомнения в том, что армия есть, что это — не фантом и не мираж, на повестку дня встал другой, гораздо более важный вопрос — сможет ли эта армия защитить страну от новых, невиданных прежде угроз?

О каких именно угрозах идёт речь, было сказано на одном из важнейших круглых столов, проведённых Министерством обороны в рамках научно-деловой программы «Армия-2015». Уже само название круглого стола — «Противодействие «мягкой силе» и цветным революциям. Возможные способы и средства» и то, что его организатором выступила Военная академия Генштаба ВС РФ, говорили об актуальности проблемы. Функции мо-

дератора на этом круглом столе выполнял заместитель начальника ВАГШ генерал-майор Сергей Чварков.

Казалось бы, ни «мягкая сила», ни «цветные революции» не входят в сферу компетенции армии, которая очевидным образом занимается как раз противоположным — создаёт и использует именно силу «жёсткую». Однако сегодня классическая война — со сражающимися миллионными войсками, с тысячами танков, самолётов, артиллерийских орудий — если и не уходит со сцены окончательно, то радикально видоизменяется. На смену ей приходит какая-то иная война, неклассическая, или, как её определяют военные, — «гибридная». И становится понятно, почему армия России обратила внимание на процессы, которые прежде её не касались. Более того, судя по нескольким заявлениям на-

ших высших военных руководителей, есть серьёзные основания полагать, что Российские Вооружённые Силы уже имеют в своём составе структуры, нацеленные на определение способов противодействия этим «гибридным» угрозам.

Впрочем, это из области предположений. На самом же круглом столе военные высказывались очень скупой, отдав дискуссионную площадку представителям экспертно-аналитического сообщества.

Единственный доклад от Вооружённых Сил представил Александр Лихонос, доцент кафедры государственного управления и национальной безопасности ВАГШ. И именно его доклад удостоился комментария Русской службы ВВС: *«Александр Лихонос в своей лекции сравнил синергетический эффект от присоединения Крыма с по-*

*Неклассическая классическая война 144
бедой в Великой Отечественной войне.
В том же докладе он обвинил США в ор-
ганизации «цветных революций» по все-
му миру».*

Однако самое главное в содержании этого доклада ВВС не заметило или сделало вид, что не заметило. Но об этом — чуть позже.

Российские эксперты, выступавшие на круглом столе, достаточно выпукло обрисовали стратегию Соединённых Штатов — основного спонсора «цветных революций». Заместитель заведующего кафедрой МГИМО Виктория Панова в своём докладе «Военно-политическая обстановка в мире и основные факторы её дестабилизации» напомнила, что для США Россия неприемлема в её сегодняшнем виде. Она сослалась на Джорджа Фризмана, основателя и руководителя экспертно-аналитической группы Stratfor, который ещё

в 2007 году фактически описал все уровни кризиса и конфликта на Украине, которые мы видим сейчас.

Обвинять Вашингтон в этом нельзя, считает Панова, потому что он защищает собственные интересы. Она напомнила, что в стратегии национальной безопасности 2002 года была сформулирована основная цель США — не допустить формирования ещё одного центра силы, который был бы сопоставим с ними по потенциалу. Вариантов именно такого, неприемлемого для США сценария не слишком много. И все они, по мнению докладчика, так или иначе, сводятся к комбинациям трёх центров сил на территории Евразии: либо к оси «Россия–Германия», либо к оси «Германия–Россия–Китай», либо, наконец, к оси «Россия–Китай».

Виктория Панова напомнила, что США

получили негативный опыт прямых военных действий на территории других стран (в Ираке, Афганистане) и вследствие этого пришли к выводу, что грубое непосредственное применение военной силы само по себе выигрыша не даёт. В то же время, создание конфликтов по периметру границ своих потенциальных противников очень эффективно. Потенциальные противники будут вынуждены отвлекать огромные ресурсы на противодействие этим конфликтам. Что в итоге позволит США неявным образом выиграть войну против ослабляемых такими конфликтами конкурентов.

«Цветные революции», указывает Панова, фактически сводят на нет усилия, направленные на укрепление обороноспособности тех стран, где они происходят. Вот ещё одна причина, почему Минобороны и Генштаб ста-

ли пристально интересоваться темой «мягкой силы»: наши противники пытаются «мягко» воздействовать на наше собственное население и вовлечь его в борьбу с российской государственностью. Это их первоочередная задача.

Но, подчёркивает Панова, США, опираясь на «мягкую силу и провокации», параллельно наращивают военную мощь. Их цель — дожать упорствующую пока что Германию и пересмотреть концепцию НАТО, открыв, тем самым, путь в альянс Украине. А Джеб Буш — один из наиболее вероятных победителей на ближайших президентских выборах в Штатах — уже выдвинул немцам четыре условия, главное из которых — интернационализация украинского конфликта.

Модерировавший круглый стол Сергей Чварков заметил, что концепт «мягкой си-

лы» утратил для американцев привлекательность: «Они стали уходить от той политики, которую они проводили после Второй мировой войны, — политики убеждения, политики показа каких-то преимуществ американской демократии».

Замечание верное. США уже не утруждают себя показом преимуществ демократии. Вместо этого они, якобы во имя демократии, эту самую демократию разрушают окончательно. Задействуя для этого либо «цветные революции», либо грубую силу, либо сочетание того и другого.

С этим согласен и Сергей Марков, директор Института политических исследований. «Цветные революции», считает он, — это инструменты смены власти в XXI веке. Неправительственные организации, сетевые структуры, экспертные центры — вот кто сего-

Неклассическая классическая война 149
дня «заменял профессиональных революционеров».

Нельзя противостоять этим процессам с помощью традиционной армии, полагает Сергей Марков. Он считает, что нам самим необходимо максимально быстро освоить технологию цветных революций, построить новую гуманитарную армию, которая могла бы инициировать эту технологию уже против наших противников.

Генерал Чварков согласился с тем, что бороться с цветными революциями насильственными методами бесполезно. Это и понятно — армия более, чем кто-либо другой, хочет избежать сценариев, подобных событиям на площади Тяньаньмэнь. Но как именно бороться с этими «мягкими технологиями» — военные не уточняют. Правда, сложилось впечатление, что какая-то методология про-

тиводействия подобным угрозам у военных есть, но они пока предпочитают об этом не говорить.

Возможно, намёк на такие методы прозвучал в упомянутом выше выступлении полковника Александра Лихоносова. Он обратил внимание на то, что *«фактор внешней, военной силы является неотъемлемым элементом цветных революций. Он присутствует на всех этапах эскалации революции и вызванного ею внутринационального конфликта»*.

Трудно не согласиться с Лихоносовым, что в ходе украинского кризиса коалиция стран Запада шантажировала правительство Януковича тем, что задействует свой военный потенциал (то есть грубую силу), если Янукович не откажется от законного использования своих силовых структур для самого элемен-

тарного наведения порядка.

Также верно его утверждение, что с момента переворота вплоть до настоящего времени коалиция осуществляет военную и экономическую помощь киевской хунте.

Таким образом — если продолжить домысливать то, о чём умалчивают военные — неправительственные организации и экспертные центры, осуществляющие «цветные революции», действуют в плотной связке с вооружёнными силами заинтересованных в смене правящего режима стран. Действуют эти две силы согласованно, поскольку имеют общие цели и задачи. И, по-видимому, противостоять этой «военно-цветной» технологии тоже следует согласованно — и армии, и гражданскому обществу. Задача эта новая и довольно сложная, но, судя по всему, других механизмов нет — поодиночке, без взаимодействия

армия и общество в случае агрессии не выживут.

Во всяком случае, лейтмотивом выступлений на круглом столе было то, что «цветные революции» — это реальная полномасштабная агрессия, направленная против существующих государств. И это агрессия с применением новых технологий, которые позволяют устранять неудобные кому-то режимы и страны с геополитической арены. И что без такого противодействия этой полномасштабной агрессии, в котором будут задействованы и мягкая, и грубая сила, и гражданское общество, и армия, Россия может быть полностью уничтожена.

Владимир Переборенко, Фёдор Чемерев

Социальная война

ГЧП или... прощай, доступная и бесплатная медицина?

Эксперты говорят о том, что, внедряя систему ГЧП, государство либо потеряет контроль над медицинскими объектами, либо само превратится в частного предпринимателя

Не первый месяц в стране продолжается общественное обсуждение проекта «Стратегии развития здравоохранения РФ на долгосрочный период 2015–2030 годов». Документ был представлен Минздравом ещё в декабре 2014 года и уже тогда вызвал неоднозначную реакцию среди экспертов. Одно из самых дискуссионных направлений стратегии — развитие государственно-частного партнёрства (ГЧП) в здравоохранении.

Как следует из документа, Минздрав планирует «максимально перестроить находящуюся в федеральной собственности инфраструктуру здравоохранения, привлекая внебюджетные источники финансирования». А это, по замыслу авторов проекта, позволит государству максимально уйти от хозяйственных функций, передать эту обязанность частному бизнесу, оставив за собой только

ГЧП или... прощай, доступная и ... 156
функцию контроля.

Чиновники объясняют такую меру тем, что государству всё тяжелее нести «бремя» содержания огромного количества социальных объектов. Говорится в этой связи, что панацеей от «кризисных тенденций в социальной сфере» должно стать внедрение в отечественное здравоохранение ГЧП.

Что же на самом деле стоит за предлагаемым Минздравом внедрением в наше здравоохранение системы ГЧП? Перед тем как перейти к обсуждению данного вопроса, коротко охарактеризуем, что такое государственно-частное партнёрство в принципе.

1 июля 2015 года Госдума РФ приняла в третьем чтении федеральный закон «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации». Уже 1 января 2016 го-

ГЧП или... прощай, доступная и ... 157

да этот закон вступит в силу. *«Из особенностей закона, — комментирует событие заместитель директора департамента инвестиционной политики и развития частного государственного партнёрства (ЧГП) М. Ярмальчук, — можно отметить: возникновение у инвесторов частной собственности на объекты ГЧП, гарантии окупаемости инвестиций частного партнёра и снижение рисков оспаривания контрольно-надзорными органами соглашений о ГЧП».*

«ГЧП направлено на реформирование государственной собственности в целях её более органичного включения в систему рыночных отношений, — утверждает, в свою очередь, член Экспертного совета по ГЧП Министерства транспорта России В. Варнавский, — и являет со-

*ГЧП или... прощай, доступная и ... 158
бой альтернативу приватизации жиз-
ненно важных, имеющих стратегическое
значение объектов государственной соб-
ственности».*

Итак, выходит, что, с одной стороны, ГЧП является альтернативой приватизации, однако, с другой — предполагает передачу в собственность бизнесу объектов соглашения ГЧП. И вот тут я перехожу к обсуждению системы ГЧП в здравоохранении.

В России действует закон, жёстко ограничивающий приватизацию социальных объектов. До последнего времени большинство социальных объектов (в том числе поликлиник и больниц) оставались государственными, что позволяло им осуществлять основную функцию — предоставлять российским гражданам бесплатную медицинскую помощь. Отметим также, что с точки зрения рынка поли-

клиники и больницы — очень привлекательные объекты недвижимости, с многомиллиардным финансовым оборотом. И вот именно эти «объекты недвижимости» Минздрав предлагает ввести в систему государственно-частного партнёрства.

Основные доводы, которые обычно приводят сторонники продвижения ГЧП в систему здравоохранения, — это привлечение частного бизнеса как дополнительного источника инвестиций с *«более эффективной системой управления и оптимизированными расходами»*. Предполагается, что бизнес не только осуществит реконструкцию и капитальный ремонт зданий медицинских учреждений и оснастит больницы и клиники новейшим оборудованием, но и привлечёт в сферу здравоохранения инновационные технологии. И что (внимание!) двигать бизнесом в

ГЧП или... прощай, доступная и ... 160
случае внедрения системы ГЧП будет не что иное, как *«заинтересованность в социальном результате»*. Ссылка, при этом, делается на развитые страны Западной Европы.

Действительно, в ряде так называемых «развитых стран» Запада государство в условиях ГЧП оказывает существенное воздействие на деятельность хозяйствующего субъекта, то есть на частный бизнес. Государство утверждает и контролирует общие правила работы, тарифы и другие нормативы.

Отечественные сторонники ГЧП тоже обещают многое. И в первую очередь то, что в ходе реализации модели ГЧП будет обеспечен *«тот минимум социальных услуг, который у нас в стране гарантирован законодательно»*. Заявляется также, что в больницах, работа которых будет организована по модели ГЧП, установят *«специальные*

ГЧП или... прощай, доступная и ... 161
нормы обязательного объёма бюджетно-
го обслуживания пациентов с полисами
обязательного медицинского страхования
(ОМС) и на оказание высокотехнологич-
ной медицинской помощи (ВМП)».

Однако оказывается, что эта «норма» будет составлять не более 20–30 процентов от общего объёма предоставляемых медицинских услуг в предприятиях ГЧП. То есть, по сути, значительная часть медицинской помощи по факту окажется платной. И лишь незначительный (причём наименее доходный) остаток медицинских услуг сохранится в бесплатной категории обслуживания по обязательному медицинскому страхованию (ОМС).

Ряд экспертов обращают внимание на часть 1-ю 41-й статьи «Основного Закона о ГЧП», где ни слова не говорится о том,

что социальным учреждениям, действующим в рамках ГЧП «запрещено взимать плату за услуги». И подчёркивают, что российский бизнес давно придерживается известного принципа «что прямо не запрещено, то, следовательно, — разрешено!»

«Участники ГЧП по действующей российской конституции не обязаны оказывать бесплатную помощь, — комментирует А. Саверский, президент Лиги защитников пациентов, — это обязанность только государственных и муниципальных учреждений». Саверский уверен, что отказ государства от управления муниципальными медицинскими учреждениями — ни что иное, как *«сворачивание бесплатной медицины и дополнительная возможность заработка для частного бизнеса».*

Но и это ещё не всё!

Совершенно очевидно, что бизнес, «вливая» инвестиции в социально значимые объекты (в рассматриваемом нами случае — в объекты здравоохранения), будет стремиться их окупить, претендуя на большую часть прибыли.

Причём, «отбивать» эти деньги он будет опустошая не только кошельки наших граждан, но и бюджет государства. Требуя от государства, например, повысить тарифы ОМС, что, собственно, уже и происходит. Эксперты в связи с этим предупреждают, что внедрение ГЧП ведёт к значительному увеличению расходов на здравоохранение со стороны федерального и региональных бюджетов. Говорится также, что государство само рискует превратиться в инвестора частного бизнеса.

Приведу пример. На московском медицинском рынке давно известна компания «Мед-

ГЧП или... прощай, доступная и ... 164
си». В 2012 году «Медси» совместно с государственным унитарным предприятием (ГУП) «Медицинский центр Управления делами мэра и Правительства Москвы» создала совместное предприятие. В результате, компания «Медси» получила от города три больницы, четыре поликлиники и три санатория, оценённые аудиторами в сумму свыше 6 млрд рублей. За государством оставлен блокирующий пакет размером в 25,02% объединённой компании.

Говорилось, что образование новой медицинской структуры значительно улучшит качество и доступность медицинской помощи для населения. Предполагалось также, что для модернизации объектов «Медси» привлечёт иностранные инвестиции. Однако получить желаемое не удалось. И в условиях начавшихся экономических трудностей компа-

ния вошла в режим экономии и конфронтации с представителями государственного партнёра. В итоге в качестве инвестора выступило само государство.

Собственно говоря, ничего в этом нового, тем более — страшного, нет. Если, конечно, государство берёт на себя обязанность обеспечить население качественной и доступной медицинской помощью. Однако ситуация состоит в том, что сегодня пациент с полисом обязательного медицинского страхования (ОМС) попасть в клиники «Медси» в принципе не может. Поскольку «Медси» превратилось полностью в коммерческое предприятие.

То есть декларируется, что в рамках ГЧП произойдёт привлечение инвестиций в госсектор из частного бизнеса. Но по факту происходит ни что иное, как передача этому бизне-

ГЧП или... прощай, доступная и ... 166
су государственных активов.

Эксперты в связи с этой и другими подобными историями говорят о том, что, внедряя систему ГЧП, государство либо потеряет контроль над медицинскими объектами, либо само превратится в частного предпринимателя.

Так, например, Федеральное государственное бюджетное учреждение (ФГБУ) «Поликлиника № 1» взяла в аренду пять помещений по московской льготной программе и уже ведёт приём населения на коммерческой основе. Причём цены здесь на многие виды медицинских услуг даже значительно выше, чем в частных клиниках.

Не менее катастрофическая ситуация складывается, когда в систему ГЧП вводятся муниципальные аптеки. Речь идёт о том, что в России уже формируется система, когда такие совместные предприятия отказывают в

выдаче лекарств льготным категориям пациентов. Фактически, оплаченные из бюджета льготные лекарства перепродаются нуждающимся категориям граждан. Об этом, кстати, говорил во время «прямой линии» в апреле 2015 года Президент В. Путин.

Итак, внедрение системы государственно-частного партнёрства ведёт к передаче бизнес-структурам государственных медицинских учреждений. Фактически в стране идёт завуалированный процесс приватизации, когда частные компании наделяются правомочиями собственности, которые им передаёт государство в рамках определённых проектов. Что подразумевает не только владение и эксплуатацию частными компаниями учреждений (остающихся формально государственными), но и извлечение прибыли.

Не менее тревожно и то, что с внедрени-

ем ГЧП отечественная медицина и здравоохранение в целом окончательно превращаются из конституционной обязанности государства в услугу. А услуга, как известно, в отличие от обязанности, будет оказываться строго по прейскуранту и на условиях того, кто её оказывает. Что касается российских граждан — то они окончательно будут лишены права на доступную и бесплатную медицинскую помощь.

И в заключение. В июне Президент В. Путин потребовал от Минздрава дать объяснение по поводу увеличения смертности населения страны в 2015 г.

В экспертном сообществе существуют две противоположные точки зрения, объясняющие этот негативный тренд.

Первая (эту версию настойчиво отстаивает Минздрав) — увеличение роста смертно-

сти является следствием увеличения средней продолжительности жизни и роста числа пожилых людей. В связи с этим утверждается, что *«рождаемость, а также миграция не спасут нас от депопуляции, поскольку доля высокой смертности в этом процессе составляет 65%, а на низкую рождаемость приходится всего 35%»*.

То есть утверждается, что негативный тренд вызван объективными демографическими причинами, и переломить его в ближайшее время не представляется возможным. Одним словом, рост смертности населения страны будет продолжаться.

Но существует точка зрения независимых экспертов, которые считают, что рост смертности в стране вызван *«серьёзными просчётами в проводимой в последние годы политике в сфере здравоохранения»*. А если

ГЧП или... прощай, доступная и ... 170
конкретно — «переводом здравоохранения из социальной сферы в экономическую».

В результате в стране стремительно растут объёмы платных медицинских услуг, многие из которых совершенно беспрепятственно вытесняют бесплатные. И затраты населения в этой сфере постоянно растут. Больные тратят на лекарства в 2 раза больше, чем ОМС и бюджет вместе взятые. Как следствие, граждане попросту перестают лечиться или занимаются самолечением со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Означает это только одно — что заявленная в Конституции РФ «бесплатность и доступность медицинской помощи» с введением системы ГЧП фактически перестаёт быть таковой.

Елена Зинченко

Война с историей

От древних укров к сергиевопосадской демократии

Одновременно Устинов сознательно работал на разрушение образа Сергия Радонежского как собирателя русских земель. Так, он утверждал, что рассказ летописи о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву с татаро-монголами — миф

Сегодня всё чаще восхваляются региональные мифические идентичности — сибирская, дальневосточная, поморская, уральская и пр. Их активными пропагандистами в интернет-пространстве являются неонацисты-сепаратисты и либералы — два крыла оранжистского тандема, мечтающего о развале России.

Особенно люб нашим либералам миф о Новгороде. Ссылаясь на то, что в определённый период истории новгородское городское вече само избирало князей, либералы восхваляют Новгород как *«древнюю российскую европейскую демократию»* и противопоставляют его всей прочей «рабской России». При этом либералы, само собой, умалчивают о том, что вече было не в одном Новгороде. А также о том, как новгородцы чуть не погибли от собственной строптивости, вы-

гнав защищавшего их от западных крестоносцев Александра Невского. А также о том, как они еле успели вернуть его накануне Ледового побоища. И так далее.

Мелкоуездная и городская (чем мельче, тем лучше!) идентичность особенно тешит душу либерала. А миф о Новгороде помогает им в создании некоего искусственного конструкта, этакой «России-Гардарики, страны городов».

И вот, в наши дни новгородский миф неожиданно стал... клонироваться. Причём на совершенно, так сказать, ровном историческом месте — в Сергиевом Посаде Московской области.

Сергиев Посад — крайне значимая для всех православных людей точка, где преп. Сергей Радонежский основал свой монастырь. При этом фигура Сергия как со-

бирателя разрозненных в период татаро-монгольского ига русских, воодушевившего их на борьбу с татаро-монголами — имеет не только конфессиональное, но и общекультурное значение. Из монастыря, построенного преп. Сергием, выросла Свято-Троицкая Сергиева лавра, а вокруг неё поселение, посад.

Оговорим сразу, что к новгородскому вече Сергиев Посад имеет ещё меньше отношения, чем средневековый Ватикан — к демократии. Но именно здесь, в Сергиевом Посаде, сегодня вполне открыто ставится глубоко парадоксальный, противоестественный эксперимент по выращиванию искусственной либеральной идентичности (и сопутствующему разрыву с идентичностью православной). Характерно, что эксперимент этот ставится при участии местного Агентства культурного и

социального развития, зарегистрированного в январе 2013 года Сергеем Персиановым — заместителем главы города по культуре. То есть при непосредственной поддержке местных властей.

Идеологом сергиевопосадского локального начинания является Олег Устинов — кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарного общественного цикла» филиала Московского государственного индустриального университета и, по совместительству, сотрудник вышеназванного Агентства. Одной из сфер своих научных интересов Устинов называет «теорию и практику демократии». И указывает на сайте «Перезагрузка.ру», что его миссия — *«претворение в жизнь образовательных и культурно-просветительских проектов»*.

Как заявил основатель Агентства Персианов

нов, своим появлением в городе Устинов ознаменовал приход *«нового поколения просветителей»*. Поколение этих людей, по определению самого Устинова, *«изменит общество изнутри незаметно, долгосрочно и качественно»*. В какую сторону Устинов предполагает менять общество и почему намерен делать это незаметно, становится ясно из его деятельности.

С 2011 г. Устинов вёл на местном телеканале «Радонежье» собственную еженедельную передачу «Параллели Олега Устинова: История, которую мы забыли». Цель своей передачи ведущий охарактеризовал как *«возвращение к историческому сознанию 80–90 гг. прошлого века, периоду исторических сенсаций, периоду обретения правды»*. И действительно, в «Параллелях» Устинов последовательно внедрял в созна-

ние зрителей образ «ничтожества» строителей СССР и «величия» его разрушителей-перестройщиков.

Одновременно Устинов сознательно работал на разрушение образа Сергия Радонежского как собирателя русских земель. Так, в передаче «Актуальное интервью» от 27 мая 2014 года он — столь же самоуверенно, сколь и безосновательно, — утверждал, что рассказ летописи о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву с татаро-монголами — миф. Что этого *«быть не могло»*. Почему? А потому что *«не могло быть, и всё тут»*...

Добавим, что отвергая столь решительно летописные источники и всю православную традицию, сергиевопосадское Агентство не нашло ничего остроумнее, чем разместить в разделе «История» на своём сайте полуязы-

ческие байки в пересказе Натальи Ганиной (об этом специфическом бывшем директоре Агентства мы поговорим ниже) — о духе, живущем в здании железнодорожной станции, о русалке в Келарском пруду и т.д. . .

В июле 2013 г. Устинов занял пост председателя Общественной палаты Сергиево-Посадского района. После чего осенью того же года «просветительская» деятельность Агентства резко активизировалась. В октябре в сергиевопосадской библиотеке им. Горловского был открыт «Интеллектуальный клуб», заявивший своей целью превращение обывателей в граждан.

А в феврале 2014 года в той же библиотеке при поддержке Агентства открылся «Народный университет». Данная структура сформулировала свою задачу как *«воспитание патриотизма через расширение кругозора*

жителей города, повышение их самооценки, и в результате, формирование интеллектуальной городской элиты». Тем самым задача превращения обывателей в граждан отменяется. И возникает новая задача — превращение в элиту — кого? Видимо, обывателей. Впечатляет, не правда ли?

Первая лекция Устинова, прочитанная 1 февраля 2014 г. в «Народном университете», носила название «Мы не рабы. Рабы немые» (издевательски обыгрывающее советский лозунг «Мы не рабы. Рабы не мы»). В этой лекции Устинов постулировал, что в Сергиевом Посаде, «в отличие от всей остальной России, не было рабства»... Да уж, прямо скажем, «свежее открытие», Новгород «отдыхает»!

Кроме того, Устинов поведал, что «в процессе перехода от диктатуры к демокра-

тии мы все так или иначе будем изломаны, в том числе будет изломана и молодёжь, которая сейчас становится поколением эксперимента»... При этом в том, что под экспериментом, в жернова которого призывают бросить очередное поколение, подразумевается перестройка-2, сомневаться вряд ли приходится.

«Народный университет» Агентства очевидным образом ведёт свою историю не только от пражских белоэмигрантов, но и от работавшего в 1970–80-е годы прошлого века в Загорске (тогдашнее название Сергиева Посада) диссидентского «Народного университета». Учреждение это было создано при непосредственном участии Александра Самойловича Горловского, помогавшего составлять учебные планы и преподававшего на литературном факультете. Горловский — выпускник

Карагандинского педуниверситета и филфака МГУ, приехавший в Загорск в 1954 г. из Казахстана, куда был сослан за участие в заговоре.

Основатель Агентства Персианов гордится личным знакомством с Горловским. На открытии «Народного университета» Персианов заявил, что «новое поколение просветителей» по мировосприятию очень близко Горловскому и призвано возродить и продолжить традицию, заложенную предыдущим поколением.

Когда от разговоров о Горловском и свободе переходят к реальным действиям, призванным создать новое поколение просветителей, становится очевидно, что речь идёт о формировании в Сергиевом Посаде новой региональной, более того — микрорегиональной идентичности.

На круглом столе в июле 2014 года в газете «Ярмарка», принадлежащей Персианову, Устинов рассказал о «новом научном направлении» — «культурной географии»: *«Культурная география — это междисциплинарное направление, которое особым образом символизирует пространство. Самое главное в ней — некий культурный миф. Здесь миф означает не ложное знание, а предельное обобщение. Территория может символизироваться по-разному. Например, по какому-то герою или по статусу территории (морская столица, экономическая, политическая). В различных регионах России активно идёт поиск региональной идентичности. (выделено мною — Н.С.)»*

После этих многозначительных слов Устинов заявил о необходимости создания но-

вой идентичности Сергиева Посада и пообещал, что это не такое уж трудное дело: *«Нам очень просто символизировать нашу территорию, потому что мы живём в месте, где мифы уже созданы. Не нами и очень давно... Причём, сначала рождается миф, а потом — сам бренд».*

Как именно Агентство понимает сергиево-посадские «бренды» и как намерено их поддерживать, видно из поставленной этой организацией в рамках проекта «Окно в историю» недалеко от городского вокзала скульптуры к 700-летию Сергия Радонежского. Это совершенно постмодернистская металлическая матрёшка (какое отношение имеет св. Сергий к матрёшке?) агрессивного красно-чёрного окраса с большой чёрной щелевидной дырой посередине, содержащей цифру «700»...

На «Интеллектуальном клубе» не стесня-

ются обсуждать шокирующие своей откровенностью темы. Так, на заседании 12 февраля 2014 г. на тему «Герой нашего времени» тогдашний директор Агентства Наталья Ганина заявила, что герой в его классическом понимании — это *«ненужное понятие»*.

А в статье «Герой, я не люблю тебя!», размещённой на сайте Агентства сразу после этого заседания, Ганина уточнила, что *«героизма и жертвенности от подданных чаще всего требуют бесчеловечные тоталитарные режимы»*. И предложила новое наполнение понятия «герой», услужливо подсунутое главным редактором всё той же газеты «Ярмарка» Сергеем Шиляевым: *«Сейчас государственная машина развязала войну против гражданского общества, и поэтому героем может стать каждый из нас»*. Читай — героем-майданщиком, борю-

щимся против государства. . .

Как мы видим, Сергиев Посад сегодня пытаются превратить из сакральной православной точки и символа воссоединения Руси — в идеологическую площадку для её раздробления. А антиисторические искусственные идентичности — новгородскую, сергиево-посадскую и пр. — сделать русским аналогом «древних укров», уже сведших с ума украинцев.

Наталья Севрюкова